

АЛИСА ЕВСТИГНЕЕВА НЕ ВЕРЬ МНЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алиса Евстигнеева

Не верь мне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67296078

SelfPub; 2022

Аннотация

Банально. Первая любовь, ранний брак, ребёнок в девятнадцать, несколько лет счастья, в итоге разбившегося о быт, проблемы и усталость. Всё просто. Ты обидел меня. Я отомстила. Мы не виделись шесть лет. И казалось, время уже давно расставило всё по своим местам. Вот только твой приезд докажет нам обратное. Не верь мне. Ведь ты до сих пор не знаешь главного...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	16
Глава 3.	25
Глава 4.	35
Глава 5.	44
Глава 6.	54
Глава 7.	64
Глава 8.	76
Глава 9.	87
Глава 10.	104
Глава 11.	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Алиса Евстигнеева

Не верь мне

Глава 1.

Дом встречал меня недовольным сопением ребёнка. Ещё не успела переступить порог, как взгляд сам собой наткнулся на хмурые бровки и надутые губки.

– Крош? – настороженно интересуюсь я, предчувствуя, как мечты о сне после ночной смены разбиваются о суровую реальность матери-одиночки.

Сын недовольно топает ногой и продолжает выпячивать свои и без того пухлые губы.

– Что-то случилось? – прошупываю почву, прекрасно зная, что никто мне ничего так быстро не пояснит.

Часы показывали начало восьмого. Для воскресного утра это было непростительно рано, но у Крошика было своё мнение на сей счёт. Он рассматривает меня своими зелёными глазами, так сильно похожими на мои, а я не торопясь снимаю с себя сапоги и верхнюю одежду, давая ему возможность окончательно оформить свою обиду. А то, что деть обижен, практически написано у него на лбу. Вот бы ещё узнать, чем непутёвая мать успела провиниться за время своего отсутствия.

Сил не было откровенно ни на что, хотелось в душ и спать. А если бы не моя природная чистоплотность, я бы с превеликим удовольствием и душ миновала.

Подхватив пакеты с продуктами, увлекаю сына за собой на кухню.

Крош с самым серьёзным видом сидит за кухонным столом и крутит в руках упаковку с творожками, пока я раскидываю покупки по полкам холодильника.

На тесной кухне пахнет пирожками – вчерашний презент внукам от моей матушки, уверенной в том, что те, брошенные непутёвой матерью на произвол, растут подобно сорнякам. Отсюда и её желание в каждый свой визит подчеркнуть мою нерадивость как матери, хозяйки и жены. Впрочем, последнее давно уже было неактуально.

– Как ваш вечер прошёл? – вновь пытаюсь достучаться до сына, который всё так же игнорирует вопросы, излишне пристально рассматривая «Растишку».

Устало вздыхаю. Ну вот почему всё так? Не ребёнок, а самый настоящий партизан, неужели небесам не было угодно приложить к нему хоть какую-нибудь инструкцию по применению?

– Ты кушал вчера бабушкины пирожки?

Молчит.

– А Анята тебя не обижала?

И тут деть резко вскидывает на меня свои огромные глазёнки. О как. Кажется, угадала, может быть, всё банально, и

дети просто поругались?

– Крошик... – очень жалостливо зову я сына, под стать ему надувая губы, а про себя прошу, чтобы он смиростивился надо мной. – Что там Анька наша натворила?

Он отодвигает творожок в сторону, видимо, уже готовый выплеснуть своё негодование. Подхожу и сажусь перед ним на корточки, кладя свои ладони на острые детские коленки.

– Она тебя чем-то обидела?

Вместо ответа ребёнок сначала кусает свои губёшки, а потом.... А потом плотину прорывает, и он на одном дыхании выпаливает:

– Аня вчера бабушке сказала, что её папа приезжает. А почему тогда мой папа ко мне не едет?

Разговор был долгий и тяжёлый. Само то для раннего утра после бессонной ночи. Знала же, что рано или поздно сын начнёт задавать вопросы о своём отце. Знала и всё равно не была к этому готова.

Нет, это был не первый наш разговор по душам. В свои пять лет ребёнок уже давно и прекрасно всё понимал. Он ходил в садик, гулял на улице, встречался с родственниками, слушал старшую сестру. Крош отлично представлял, что бывают семьи полные, а бывают неполные. Что у кого-то есть только мама, а у кого-то только папа, а у некоторых счастличиков бывает полный боекомплект. А то, гляди, и больше. Вон у Лены Самойловой из его группы папы менялись ровно через каждые семь месяцев. Почему семь? Не знаю,

но мы как-то с приятельницей из садика ради интереса даже подсчитали.

Семьи бывали разные. Он знал. Давно смирившись, что у нас этого самого папы нет и живём мы втроём – мама Оля (это я), Крош (он) и Аня (сестра). Пару раз в неделю, когда мама Оля сбегала на работу, с ними по вечерам сидела бабушка Рита. И всех это прекрасно устраивало, ну, за исключением бабы Риты, но это была отдельная история.

Ребёнок даже прекрасно осознавал, что у старшей сестры всё-таки есть свой папа, к которому она иногда уезжала на каникулы в другой город, общалась по телефону и получала подарки по праздникам. Крош знал, переживал, но не показывал.

К тому же, мы с Аней всеми силами пытались сделать так, чтобы он не чувствовал себя обделённым. Дочь никогда не хвасталась перед братом новыми вещами или игрушками, с самого детства понимая, что мелкого это может задеть. Они вообще у меня оба были на редкость понятливыми.

Так вот, до вчерашнего вечера загадочный Анин папа оставался для Кроша существом мифическим и живущим «Гдетотам». И, возможно, продолжал бы оставаться им и дальше, если бы моя двенадцатилетняя дочь не решила поделиться с моей матушкой известием о том, что к нам едет Ревизор... тьфу ты. Ну, не Ревизор. Вообще-то, бывшего мужа звали Сергеем, но последние шесть лет я старалась об этом не вспоминать.

Крош услышал. Понял. Задумался. Накрутил себя за ночь, сделав к утру определённые выводы. Вполне правильные выводы. По крайней мере, моя совесть подсказывала мне, что ребёнок имеет полное право обижаться на судьбу за то, что у него всё не так. Ладно, не на судьбу, на меня. Но ведь прошлого не изменить? Не изменить. Поэтому и нам всем надо было с этим как-то жить. Собственно, чем мы упорно и занимались последние пять лет.

Спустя полчаса времени и сотни неудобных для меня вопросов, сын уснул, прижимая к себе голубого зайца. Я тихо вышла из его комнаты, аккуратно притворив за собой дверь, проверила спящую дочь, поправив её одеяло, и лишь только после этого позволила себе запереться в ванной и разреваться. Серёжа возвращался в город.

Контрастный душ помог немного прийти в себя, поэтому из ванной я выходила уже вполне успокоившаяся, запрещая любые мысли о бывшем муже.

На этот раз в коридоре меня встретила Анютка, заспанная и лохматая.

– Ты чего? – удивилась я, когда дочь налетела с объятиями, с силой прижимаясь ко мне. Казалось бы, вон какая тощая, вопреки всем стараниям моей мамы, а сильная... у меня аж кости хрустнули. – Ань, ну что такое?

– Мам, – зачистила она. – Я не специально, Крош сам всё подслушал, я не думала, что он на кухню придёт...

– Тсссс, – останавливая я поток её слов. – Давай ещё раз.

Но с самого начала.

Нового я, конечно, ничего не узнала. Разве что только в очередной раз убедилась в том, что приезд Ревизора – дело решённое и необратимое. У меня был лишь один-единственный вопрос:

– Мне почему не сказала?

– Я думала, что ты расстроишься.

– А бабушка не расстроится, – всплеснула я руками, уже догадываясь о том, что последует дальше.

И дочь, разумеется, не подвела.

– Ну, бабушка к папе хорошо относится...

* * *

Мы познакомились ещё в школе. Четырнадцатилетние, юные, неугомонные и слегка безбашенные.

Серёжка Измайлов перевёлся к нам в середине учебного года, и по какой-то нелепой случайности нас посадили вместе. Жилистый, высокий, с коротким ёжиком тёмных волос и наглым взглядом исподлобья. Завалился ко мне за парту, широко расставив свои уже тогда длинные ноги, захватывая большую часть свободного пространства. Пришлось презрительно фыркнуть и хорошенько пнуть его в голень. За что уже на следующий день я поплатилась своими длинными волосами, в которые самым невинным образом прилетела жевательная резинка со стороны нового соседа. Спустя пару

дней, в момент бурной радости по поводу моей новой причёски, из моих рук неожиданно вылетела открытая бутылка с водой и прилетела ровнёхонько на лежащие рядом тетради и учебники. Угадайте чьи. Правильно, сидящего по соседству Измайлова, одарившего меня взглядом, полным ничем не прикрытой ненависти.

Следующие несколько месяцев оказались гонкой на выживание. Он прятал мои вещи – я заливала его тетради клеем, он подкладывал мне кнопки – я стучала на него учителям, когда он пытался списывать у нашей отличницы Катки, за что он подговаривал своих дружков, чтобы те дразнили меня «Воблой». Раза четыре я почти улетала с лестницы, больно ударявшись разными частями тела, а он случайно получил локтем в нос на уроке физкультуры. В общем, полгода для нас пролетели весело, с шумом и гамом. Но самым поразительным было то, что все наши баталии прошли незамеченными для взрослых.

Измайлов стоически молчал каждый раз, когда его отчитывали за испорченные вещи, а я находила оправдания в глазах мамы своей невезучести и новым синякам.

А потом было лето и после экзаменов мы не виделись целых два месяца. За это время он успел ещё больше вытянуться и возмужать, а я превратиться из воблы во что-то более женственное и заметно привлекательное.

Первое сентября 10-го класса принесло приятный сюрприз со стороны Измайлова. Конфеты, предложение о пе-

ремирии и лукавую улыбку, от которой внутри меня что-то впервые дрогнуло.

Наш школьный роман, если его, конечно, можно назвать таковым, завязался как-то незаметно. Сначала просто стали гулять в одной компании, пили пиво в подворотнях, пели песни под гитару и в тайне ото всех курили одну сигарету на двоих за гаражами. Не то чтобы всерьёз, скорее уж просто пробуя границы дозволенного и экспериментируя. Это была неплохая дружба, в один прекрасный день переросшая во что-то большее.

Всё началось банально. Со всеобщих подколов, когда кто-то из учителей попытался рассадить нас.

– Измайлов, отсел от Гордеевой, – потребовал уже стёршийся из моей памяти некто.

Серёжка поначалу притворился глухим, но после того, как приказ был повторён ещё более железным тоном, он неожиданно схватил меня за руку и безапелляционно заявил:

– Либо вместе, либо никак.

На самом деле, мне кажется, что он тогда заартачился просто так, из любви к спорам или неподчинению. И лишь потом, когда все окружающие стали нас звать «либо-либо», он действительно задумался о том, что натворил. Но было поздно. И очень быстро из «либо-либо», мы превратились сначала в краткое «любо», а потом и вовсе в «любовничков». Было смешно. Первые раз сто. Потом обидно. Потом стало раздражать. Почему-то каждый считал своим долгом сунуть

свой длинный нос в наши дела. Я психовала, Серёга злился. Пока всё не обернулось приступом полного абсурда.

– Эй, Серый, – кричал Ванька Лизунов, наш одноклассник и главный балагур района, – ты чего сегодня такой хмурый? Или Олька не даёт?

При этом он сально подмигнул мне и залился громким смехом, довольный своей шуткой. Я не то чтобы засмушалась, но скорее растерялась. Грубостью меня было не удивить, ибо росла я в доме с двумя старшими братьями. Но осадок всё равно остался, как если бы Ванька задел что-то очень... личное.

– Пасть закрыл, – огрызнулась я Лизунову, из-за чего тот возмущённо подскочил на месте.

– Ах ты шмара, – грязно выругался он, уже вовсю готовясь напомнить, где моё место.

Но Серёга его опередил, со всего размаха двинув уже бывшему другу в ухо. Мы тогда их еле растащили. Не знаю, каких бы дел натворил Измайлов, если бы в конце концов я не повисла у него на груди с воплями «Серёжа, не надо».

В тот вечер мы впервые поцеловались. Побитый рыцарь, решивший постоять за честь дамы. Сейчас смешно, а тогда действительно казалось геройством.

Мы стояли у нас во дворе, и я, не удержавшись, провела пальцами по его разбитой брови. К слову, кровь мы с трудом сумели остановить, а шрам с той драки остался у него навсегда. Серёжка перехватил мою руку, неожиданно сжав

её своей горячей ладонью.

– Оно того не стоило, – выдавила я, заворожённо смотря в его серые глаза.

– Стоило, – вдруг резко отрезал он. – Ты ещё и не такого стоишь.

Удивилась ли я? Да, наверное. Но скорее не самим словам, а тому эмоциональному напору, что слышался в его голосе.

Я думала что-то возразить, но Измайлов не дал, резко наклонившись и поцеловав меня своими шершавыми губами. Это сложно было назвать настоящим поцелуем, скорее детские игры, когда один прижимается к другому. Но попытка была предпринята, и я поплыла. Пока ещё формально.

Вот с того поцелуя всё и началось. Мы ходили по школе, гордо взявшись за руки, не упуская ни единой возможности случайно или специально прикоснуться друг к другу. Серёжка достаточно быстро обнаглел, по-хозяйски обнимая меня при любом удобном случае. А я не сопротивлялась, потому что сразу же поняла, что мне всё очень нравится.

А ещё мы старательно и методично постигали науку поцелуев. Сначала осторожно и аккуратно, смущаясь друг друга и нелепо сталкиваясь носами. Но, как известно, с практикой приходит техника, и с каждым днём наши поцелуи становились всё более пылкими и изощрёнными. Правда, нам пока хватало мозгов не делать этого на людях.

Беда пришла в тот день, когда наша классная заметила у меня характерную отметину на шее. Так родители и узна-

ли про наш долгоиграющий школьный роман. Поэтому 11-ый класс прошёл для нас под тотальным родительским контролем, особенно старалась Серёгина мама, отчего-то возмущённая именно моей прытью.

Своё прозвище «Ревизор» Измайлов получил на выпускном экзамене по русскому языку, когда по ошибке причислил его к работам Пушкина. Мы тогда вообще чуть не остались без аттестатов, с трудом набрав нужное количество баллов. Нам было семнадцать, и в нас во всю играли гормоны.

Мне кажется, что только поэтому мы и решили с ним пожениться, едва стали совершеннолетними. Просто надоело ныкаться от родителей по углам, да и чувства наши тогда казались великими.

Измайлов учился в техникуме на автомеханика, а я каким-то чудом смогла поступить в вуз на экономику. Только если у Серёжки глаза горели от всех этих машин и шестерёнок, то я честно изнывала от скуки на лекциях и семинарах.

А ещё нам до ужаса хотелось свободы.

День, когда мы сообщили нашим семьям о том, что подали заявление в ЗАГС, не то чтобы шокировал прям всех, скорее уж вогнал в лёгкую панику.

– Непутёвые, – вздохнула тогда моя мама, Маргарита Александровна.

– Оболтусы, – вторила ей мать Серёжки, Екатерина Максимовна.

Но мы ведь были упрямыми, влюблёнными и всё такими

же жадными до жизни, поэтому через положенных два месяца я стала Измайловой.

Наши семьи, никогда не отличавшиеся особым достатком или возможностями, поставили нас перед выбором. Либо свадьба, либо жильё. И наше «либо-либо» разумно выбрало второе, в результате чего мы стали обладателями обшарпанной однушки на окраине города. Но мы были счастливы и этому. Хотя я только сейчас понимаю, чего это стоило нашим семьям.

Серёга был единственным сыном своих родителей, которые всю жизнь честно протрудились на местном заводе. А меня воспитывала одна мать, и нас у неё было трое. Благо, что старшие братья, в отличие от меня, уже тогда славились повышенным благоразумием.

Так и случилось, что спустя четыре года после знакомства мы с Серёжкой начали жить взрослой и самостоятельной жизнью. Родители ничем не могли нам помочь, поэтому мы работали. Он в различных СТОшках, а я официанткой, и, на удивление, это казалось мне куда интересней, чем сидеть на скучных парах.

А через пару месяцев я забеременела. Не то чтобы прям совсем случайно, но уж точно незапланированно.

Аня родилась в июне, не дотянув до первой годовщины нашей свадьбы буквально пару дней. И мы тогда расценили это хорошим знаком, что нам суждено быть вместе вечно.

Глава 2.

Поспать мне дали всего ничего. Стоило голове коснуться подушки, как я уже почувствовала, что заскучавший Крош крадётсЯ ко мне, приминАя постель рядом. Вот несколько лет назад было хорошо, можно было обхватить его рукой, прижимая к своему боку, ребь сначала сопротивлялся и смеялся, а потом как-то незаметно для себя засыпал, уткнувшись носом мне в подмышку. Было забавно, но сейчас такое не прокатывало. Если он скучал, то скучал по полной.

Часы подло вралИ, показывая полдень.

Продрав глаза, я вопросительно глянула на сына, а тот, словно поняв, что я хочу ему сказать, закивал головой, мол, мать, вставай, мы тебе и так три часа поспать дали. Ну прелесть же, а не ребёнок.

– Как дела? – хриплым ото сна голосом спросила я Крошика.

– Гулять хочу, – требовательно заявил он.

– А что, Аня не пускает? – стараясь игнорировать укол совести относительно старшей дочери – моей главной опоры в этом мире.

– В парк хочу, – в излюбленной манере выпятил он свои губёшки. Крошик не то чтобы был капризным, но, безусловно, умел добиваться своего.

Голова была чугунной, и меньше всего хотелось идти хоть

куда-нибудь. Но с другой стороны, сегодня было воскресенье, и не понятно, когда в следующий раз нам удастся провести время вместе. Я редко не работала по выходным. А в будние дни у нас были школа, садик и куча других дел.

– Дай мне полчаса, кофе выпить, – прошу у сына, на что тот милостиво кивает головой.

Ненавижу вкус кофе, но проснуться без него никак не получается. Альтернативы методично подбирались годами – настойка женьшеня, шипучки с витамином С, энергетики, холодный душ, даже курить по утрам пыталась – всё мимо. Мозг требовал порцию кофеина, в то время как вкусовые рецепторы дико меня за это ненавидели. И было в этом что-то символичное, словно отражающее суть моего существования.

Анютка нашлась в своей комнате, что-то усердно набирающая в своём телефоне.

Я плюхнулась рядом с ней на собранный диван, в очередной раз поражаясь тому, насколько у меня собранная дочь. В её комнате царил безупречный порядок, в отличие от того хаоса, что вечно творился в комнате мелкого. Моя же спальня зависла где-то между, вроде как и свалкой не обзовёшь, но и претензий можно было предъявить сколько угодно. Это тоже было частью меня: постоянно мечтать о чём-то большем, например об идеальном порядке вокруг, но не находить в себе сил заняться этим вопросом.

А вот Аня могла, и не только могла, но и успешно прак-

тиковала. Я такой в двенадцать не была, да что там говорить, я и в тридцать один такой не была.

– Пошли с нами в парк? – предлагаю, усилием воли сдерживая рвущийся наружу зевок.

Дочь отрывает глаза от экрана телефона, смотря на меня снисходительным взглядом... исподлобья. В этот момент она очень похожа на своего отца, он тоже на меня так поглядывал, когда я предлагала какие-то глупости. Она вообще на него очень похожа внешностью, привычками, манерами.

– И что мне там делать? – вполне по-взрослому интересуется она. – Смотреть, как Крош бегаёт за белками?

Разница с тем, какой она была с утра, и сейчас – кардинальна. Ещё несколько часов назад у меня была маленькая и переживающая дочка, не только пытающаяся меня поддержать, но и сама льнувшая ко мне. Сейчас же передо мной сидит уже... если не взрослый, то вполне циничный человек.

– Нет, смотреть за тем, как я ловлю Кроша, пытающегося поймать белку, которая, вполне вероятно, будет в этот самый момент стараться цапнуть кого-нибудь другого.

Аня фыркает, и опять же, совсем не по-детски.

– Какое заманчивое предложение.

– А потом мы захомячим шаурму.

– Мясо...

– Помню. Тебе веганскую купим. И я обязательно всё перепутаю, и Крош будет страдать, где его мясо, а ты плевать-ся на меня и смотреть именно вот таким вот возмущённым

взглядом.

Дочь наконец-то растаяла и засмеялась. А я почти выдохнула с облегчением, потому что с каждым разом становилось всё сложнее и сложнее выводить её на контакт.

* * *

Осень в этом году выдалась ранняя, и в воздухе уже во всю витало ощущение приближающейся зимы. Но в парке всё равно было хорошо. Мы с Аней не спеша брели по дорожке, в то время как мелкий носился вокруг нас, изображая из себя великого охотника на белок.

Сначала неловко молчали, не зная, что можно сказать друг другу. И я опять чувствовала себя виноватой за то, что моей девочке приходится так рано взрослеть.

– Мам, ты злишься на меня? – вдруг осторожно интересуется объект моих переживаний.

Непонимающе смотрю на неё.

– Из-за чего?

– Из-за папы.

– Нет, просто в следующий раз говори сначала мне, а потом... бабушке.

– Я не об этом, – качает она головой. – Из-за его приезда.

Поправляю перчатки на своих руках, по возможности оттягивая время. Аня редко говорит со мной об отце, видимо, чувствуя где-то на уровне интуиции, как меня до сих пор по-

тряхивает от одних только мыслей о нём. Но я каждый раз сдерживаюсь, ну или, по крайней мере, пытаюсь. Он её отец, и он её любит, это я знала точно. Как и она его. У меня не было никакого права примешивать свои обиды в их отношения.

– На тебя мне не за что злиться.

– А на него?

– Тут уже сложнее, – пытаюсь найти я самый обтекаемый ответ, но она на него не клюёт, продолжая испытующе разглядывать моё лицо, ища хоть какие-то ответы на свои многочисленные вопросы.

Приходится пояснять.

– Мы с твоим папой когда-то очень сильно обидели друг друга, и до сих пор у нас не получается простить...

– Он так же говорит.

Замечательно, он ещё и говорит так же. Почему-то от этого известия становится невыносимо тоскливо. Легче было думать, что он там настолько меня ненавидит, что даже с дочерью об этом говорить не может... правильно. А тут вот, обоюдное раскаянье и благородство. Да где ты был со своим понимаем шесть лет назад? А где была я? Смогла бы я поступить иначе? Ответ напрашивался сам собой. Нет.

Я неоднозначно пожимаю плечами, не зная, как вообще можно прокомментировать услышанное.

– И всё же, ты недовольна, – делает свой вывод Анютка. – Из-за того, что он решил приехать...

Моя такая умная и не по годам понимающая дочь.

– Почти.

Ну не говорить же ей о том, что я злюсь не из-за того, что Серёжа решил приехать именно сейчас, а из-за того, что не сделал этого раньше.

* * *

Мне сложно точно оценить, как прошли первые годы нашего брака. Наверное, хорошо, по крайней мере, воспринималось это именно так. И даже рождение Ани сильно ничего не изменило между нами. Мы вообще относились одинаково легко к происходящему. Либо же нам просто везло.

Серёжка работал и учился, денег было немного, но нам хватало, наверное, потому что оба понимали границы наших возможностей. Первый год после рождения ребёнка я ничем особо не могла ему помочь, но муж и не ждал этого, спокойно позволяя мне заниматься дочерью. Но мне всё равно не сиделось на месте, хотелось разнообразия и активности. Нет, не гулянок или тусовок, к ним я была вполне равнодушна, но всё равно хотелось какого-то движения, возможных альтернатив. И это мне ещё везло, что Анютка росла очень спокойной и никогда не доставляла нам особых проблем. Мне даже иногда казалось, что книги по развитию детей писались именно с нашей девочки, потому что у неё всегда настолько всё случалось чётко и в срок, что никто из нас просто не за-

думывался о том, что дочь что-то там должна или не должна.

Самым любимым временем были вечера. Измайлов приходил с работы, чумазый, пахнувший мазутом и бензином, но мне казалось, что это самый прекрасный запах на свете. Было в нём что-то такое... надёжное и своё. Так, если бы это было неотъемлемой частью Серёги.

Пока муж отмывался, я накрывала на стол. Домашние дела никогда не были мне в тягость, по крайней мере, тогда. Хотелось сохранить очарование этого маленького мирка для нас троих и, по возможности, доказать всем, что мы можем. Сегодня наша тогдашняя жизнь мне кажется какой-то ненастоящей, будто кукольной, потому что, по сути, мы были двумя детьми, которые играли в семью. Но пока что нам всё нравилось.

Он появлялся на маленькой кухне всегда на руках с довольной Анькой, которая счастливо улыбалась нам типичной измайловской улыбкой с оттенком лукавства. Она вообще росла его дочкой, его копией, его любимицей.

Когда узнали о беременности, никто и предположить не мог, что мы неожиданно втянемся в родительство с такой лёгкостью и охотой. Правда, осмысленности в нас особой и не наблюдалось, действовали по наитию да наугад.

Когда дочь засыпала, мы часами сидели на кухне. Он устало водил руками по моему телу, а я послушно прижималась к его боку. Тонко, нежно, уютно и... очень по-домашнему. Нам нравилось мечтать, наслаждаясь минутами тишины и

покою.

Когда Ане было полтора года, я устроилась на работу. Образования у меня не было, а если честно, то и особого желания его получать тоже, из-за чего я не раз ругалась с мамой и старшими братьями, утверждавшими, что без этого – никуда. Но я отмахивалась. На самом деле мне реально нравилось работать официанткой, даже несмотря на то, что приходилось всё время бегать и таскать тяжёлые подносы с едой. Но там было общение, новые люди, неоднозначные ситуации, и было в этом что-то манящее. Да и деньги. Хотелось хоть как-то разгрузить вечно занятого Измайлова.

Через пару лет мы почувствовали себя если не на вершине мира, то где-то очень рядом. Сергея ценили на работе, и очень быстро он поднялся от простого механика до старшего мастера, что было значимым достижением в нашем возрасте. Он даже решил пойти учиться дальше, поступив на заочку. Я тоже не стояла на месте, став администратором небольшой кафешки.

Мы смогли поменять квартиру. Пусть на двушку, пусть немногим лучше нашего предыдущего жилья, пусть в кредит, но ведь смогли?

Анютик росла, ходила в садик и каждый день удивляла нас своими новыми открытиями.

А потом всё как-то незаметно повернуло нетуда. Тихо, неуловимо, планомерно... Стали появляться проблемы, ссо-

ры, недосказанности, и мы неожиданно оказались к ним не готовы. А может быть, мы просто повзрослели, и нам стало мало того, что было.

Глава 3.

В понедельник мы проспали всё на свете. Суматошно носились втроём по квартире, не понимая, за что хвататься в первую очередь. Я одевала сонного и недовольного Кроша, пока Анька страдала на тему, что ей вообще лучше в школу не идти, чем выслушивать претензии со стороны учителей.

В итоге дочь первая убежала в школу, обречённо чмокнув меня в щёку, а я погнала сопротивляющегося мелкого в детский сад, точно так же выслушивать претензии со стороны... воспитателей. Как всегда, пришлось притвориться дурочкой и торжественно обещать, что подобного впредь не повторится. И всё было бы ничего, если бы Крошик в этот момент не пробурчал себе под нос что-то сильно напоминающее: «Ага, щааааз». Из-за чего я быстренько откланялась и удалилась под строгие взгляды нянечки.

Вернувшись домой, с головой ушла в домашние дела, стараясь не думать ни о чём. У меня это почти получилось, если не считать зудящей мысли о том, что, возможно, Измайлов уже где-то в городе. Что само по себе действовало на меня угнетающе.

Уборка заняла больше обычного времени. Неожиданно для меня обычная влажная уборка переросла в мытьё окон и разбор всех завалов в комнате Кроша. Момент, когда я поймала себя на том, что лезу снимать шторы, стал критиче-

ским. Как если бы я готовилась... к приходу Ревизора. Что было в принципе мало осуществимо. И совсем не из-за моего упрямства, хотя из-за него, скорее всего, тоже. Просто... Просто в памяти всё ещё хранился его взгляд, полный ненависти и разочарования, после которого было ясно: «Не простит». Иногда мне казалось, что он со мной даже развод до сих пор не оформил только потому, что для этого пришлось бы хоть как-то со мной контактировать. А этого уже я не могла простить.

Короче, всё было сложно. Или я всё драматизировала, пытаюсь найти какие-то подводные камни в нашей с ним истории, а для него всё было предельно ясно и не имело никакого значения, женаты мы или нет.

На этом месте следовало бы поднять другой вопрос. Отчего я сама за все эти годы не попыталась развестись с ним? Но достойных и адекватных ответов у меня не было, поэтому и вопросы я такие не задавала.

В обед позвонила матушка со своим традиционным вопросом:

– Ты сегодня работаешь?

– Понедельник же, – попыталась я сдержать своё раздражение. Моя работа была одним из наших камней преткновения.

– Оля! – возмутилась родительница. – Если бы я понимала твой ненормальный график, я бы не спрашивала.

«А не понимаешь, потому что не хочешь», – устало поду-

мала я, но спорить не стала. Как бы мама не была против моей работы, с детьми она мне помогала как никто другой. Правда, с ворчанием и скрипом, но... это было скорее делом привычки и дурацкой манерой так проявлять своё беспокойство.

– Работаю, но не в ночь. У нас сегодня планёрка после выходных. А завтра уже смена.

– Как же мне не нравятся эти твои смены...

– А что поделаешь? – глупо развожу я руками, понимая, что никто моего жеста не увидит. – Где мне ещё такие деньги платить будут?

– У кого-то для этого муж есть.

– Бывший муж, мама, бывший.

В трубке слышится обречённый вздох, и, если честно, очень хочется его скопировать. Мы были похожи в своём упрямстве, но никто из нас не желал признаваться в этом.

– Сергей каждый месяц высылает тебе деньги на Анечку, – категорично замечает она.

– Вот и будет Анечке сюрприз на восемнадцать лет, когда получит все деньги разом. А своих детей я в состоянии содержать сама!

Этот разговор уже не раз звучал между нами, и даже не два, и не десять. Мама считала истинной глупостью моё нежелание жить на деньги Измайлова. Впрочем, я тоже, но ничего не могла поделать с собой. Только первый год после рождения Кроша я позволяла себе запускать руку в чужие

деньги, и то только потому, что у меня было двое маленьких детей, которым было не объяснить, что их мать принципиальная дура. Правда, всё что взяла, я со временем вернула, всё до единой копейки. Так что дочь на счету ждала впечатляющая сумма. И если захочет, она сможет очень многое позволить себе после наступления совершеннолетия, но она об этом пока не знала. Об этом никто не знал, кроме меня и мамы.

– Ты знаешь, что он в город возвращается? – неожиданно меняет она тему, и я понимаю истинную причину звонка.

Сдерживая рвущееся наружу возмущение, я как можно более безразлично замечаю:

– Знаю. Только мне-то что с этого?

– Как это что?! – поражается Маргарита Александровна. – А Крош?

Телефон чуть не выпадает у меня из рук, лишь непонятное судорожное движение пальцев позволяет сохранить в целости любимый девайс.

– А причём тут он? – металлическим голосом чеканю я.

– Тебе не кажется...

– Не кажется, – грубо прерываю я маму, не давая ей продолжить мысль. – Крош – только мой сын и точка. И решила так не я.

Я тщетно пыталась понять, когда всё изменилось, но так и не смогла найти ту самую точку, с которой начался отсчёт нашего конца.

Просто однажды он не вернулся ко мне на кухню после того, как уложил дочь спать. А я... в следующий раз не стала ждать его к ужину. Включилось наше глупое соревнование кто кого. Не так глобально, как в юности, но ведь это не означало, что больно не было.

А потом в Серёжке проснулись амбиции. Я даже не подозревала, что они в принципе есть в нём, ведь меня-то как раз всё устраивало. Ну или практически всё. Мы как... жили и жили. Крутились, работали, потому что так надо было, потому что никто нам помочь не мог. И воспринималось это как что-то должное. Еду покупать, одежду там, за квартиру платить, ребёнка содержать. Нет, свободные деньги – это было хорошо, с удовольствием ходить на работу – тоже неплохо. Мечтать было замечательно. О том, что на море поедем, или там телевизор новый купим. Или что Аню к одной из бабушек на выходные отдадим и проведём целый день вдвоём, валяясь в кровати и не отлипая друг от друга. Или же наоборот, троём отправимся в парк, в кино, да куда угодно. О мелочах мечтали.

Ничего особенного. Но зато всё такое простое и родное.

– А что дальше? – однажды спросил меня Серёга.

Если честно, я не сразу поняла, о чём вообще говорит муж.

– Смотри, – действительно пояснял он мне. – Нам с тобой уже двадцать четыре. Чего мы с тобой добились в жизни? – я уже открыла рот, чтобы возмутиться, но он вдруг резко качает головой. – Аню родили, квартиру купили, знаю. Но что вот дальше? Ты об этом думала? Я, по сути, в гараже работаю, ты – в кафешке. Ещё пара лет, и Аня пойдёт в школу. И ты даже, может быть, кого-нибудь ещё родишь.

Ты родишь... больно резануло по мне.

– Что в этом всё не так? – потирая переносицу, выдавила я из себя.

– А тебе не кажется, что мы с тобой слишком молоды для всего этого? – с вызовом глянул он на меня.

Я растерялась. Это был какой-то не мой Серёжка. Не тот человек, с которым я когда-то гуляла по школе, держась за руку, не тот, от которого я рожала дочь, и не тот, в чьих объятиях когда-то нежилась. Только я этого ещё не понимала, цепляясь за какие-то осколки прежней жизни.

– Определись, – всё ещё не понимая, к чему он клонит, прошу я мужа. – Молоды мы с тобой, или нам УЖЕ двадцать четыре.

– Оля, да пойми же ты, как много всего в этом мире проходит мимо нас.

Я зачем-то кивнула головой, как если бы хоть примерно

догадывалась, о чём он мне сейчас втолковывает.

– И что ты предлагаешь?

– Ничего я не предлагаю! – впервые в жизни огрызнулся он на меня. – Я лишь тебе говорю, что мы с тобой в тупик идём. Неужели ты хочешь так же, как наши родители? Прожить на одном месте, не замечая ничего вокруг?

Наш разговор тогда окончился ничем. И вроде как мы не поругались, но осадок непонимания остался. Но главное, он посеял первые сомнения между нами. Я решила, что ему плохо с нами... или же со мной. А что подумал он, я так и не узнала.

Дальше становилось хуже. Он ушёл с работы, устроившись продавцом в автосалон.

– Но ты же любил копаться в машинах?! – удивлялась я.

– Любил. Но это же не значит, что я не способен на большее! – сердился Измайлов.

– Я тебе этого не говорила! – заводилась в ответ.

– Но, видимо, подумала.

И, наверное, он был прав. Просто я тогда вообще не представляла, что мы можем жить как-то иначе.

Но, тем не менее, на новом месте у него пошло. Действительно пошло. И мой Измайлов вроде как опять стал собой, только сменил рабочую робу на деловой костюм. И интересы поменял.

Наши шестерёнки словно перестали совпадать, всё время сталкиваясь и проносясь мимо друга друга. Но мы терпели,

делая вид, что обоих всё устраивает. По крайней мере, у нас всё ещё была Анютка, которая продолжала держать нас рядом.

Иногда было хорошо, почти как раньше. Мы просыпались вместе в те редкие дни, когда наши нерабочие дни совпадали. В обнимку и смешно уткнувшись друг в друга носами. Когда не было необходимости разговаривать друг с другом, а можно было просто лежать рядом и наслаждаться остатками нашего единства.

Спустя полгода его повысили до старшего продавца, а ещё через несколько месяцев перед ним замаячило следующее повышение. И он был счастлив. И мы с Аней словно купались в лучах его счастья. Мне даже начало казаться, что кризис пройден.

В последний наш мирный вечер мы опять сидели на кухне и вроде как пытались строить какие-то планы на жизнь.

– Оль, а как ты думаешь, Ане брат или сестра нужны? – улыбался мне Измайлов с самым лукавым видом.

Удивлённо вскинула брови.

– Сейчас?

– Нет, но в перспективе.

Я неопределённо пожала плечами. Во мне всё ещё жила обида за то, что творилось с нами в последний год. Наверное, он почувствовал это. Потому что неожиданно всё его лукавство и лёгкость куда-то улетучились, явив миру предельно собранного Сергея.

– Лёлька, я знаю, что со мной нелегко.

Спорить не стала.

– Но что бы ни случилось, – продолжал Измайлов, – помни, что я тебя люблю. Вы с Анюткой самое дорогое, что есть и было у меня. И всё, что я делаю, я делаю ради вас.

Он хотел, чтобы я успокоилась, чтобы доверилась ему. Но речь всё равно получилась какой-то прощальной. Или же это я просто что-то предчувствовала. Ведь апокалипсис случился уже на следующий день.

Серёжа пришёл злой и свирепый, громко хлопнув дверью и уронив что-то в прихожей. Я выскочила из спальни, испуганная непонятным шумом.

– Эти суки, – выматерился он, – отдали моё повышение.

– Кому? – одними губами прошептала я.

– Свиридову. Это племянник генерального.

– Бывает, – осторожно предположила я. – Обидно, конечно, но будет ещё возмож....

– НЕ БУДЕТ! – неожиданно громко рявкнул муж.

Хотелось сжаться, но на помощь пришла ответная злость, придавшая сил.

– Не. Ори. На. Меня.

А ещё была мысль о том, что какое счастье, что Аня в садике. Она-то его таким не знала. Впрочем, я тоже.

Серёжка был обижен на несправедливость этого мира, на нечестность нашего общества... На всё подряд он был зол и, видимо, на меня тоже. Он долго мне втолковывал, как он

впахивал ради этого повышения, а я стояла и на автомате кивала головой, пытаюсь хоть как-то примирить его с реальностью. Оказывается, что будучи на эмоциях, он и с работы уволился.

«Зашибись», – так и подмывало возмутиться меня. Но я сдержалась, уже понимая, что ни к чему дельному это не приведёт.

– Оль, надо уезжать, – в конце концов, вынес он свой вердикт. – В этом городе нечего ловить.

– Ты рехнулся, – не смогла утерпеть я. – Куда?!

– Куда угодно. Мир... он же огромный.

– Я рада за мир! Но у нас дом и ребёнок. Здесь.

Измайлов противно закатил глаза.

– Найдём новый дом.

– А родители?

– А что они? Мы же от них не отказываемся, – в этот момент у него был какой-то безумный взгляд. Он будто загорелся своей идеей, не видя никаких ограничений для этого. А я испугалась... того, что совсем не знала его, своего Серёжу.

В итоге разговор закончился на нервной ноте.

– Не поедешь?

– Не поеду, – категорично качнула я головой, а для убедительности ещё и ногой топнула.

Он ничего не ответил, лишь ушёл, громко хлопнув дверью.

Глава 4.

Меня словно пришибло всеми этими разговорами и воспоминаниями, а ещё давящим чувством ожидания, хотя, казалось бы, мне-то чего было ждать в этой ситуации?! Он же не ко мне ехал. К дочери, родителям, прежней жизни, да к чему угодно, но только не ко мне. Но я всё равно нервничала, иррационально и глупо.

Поэтому на работу я собиралась суматошно и долго, будучи не в состоянии взять себя в руки. А потом в один момент разозлившись на все свои метания, резко натянула куртку и ботинки и с психом выскочила на улицу.

Шёл мелкий снег, первый в этом году. Крош, скорее всего, обрадуется, будет строить глобальные планы о том, как в скором времени слепит снеговика. Мысли о ребёнке немного успокоили, придав хоть какую-то уверенность в своих действиях. И какие бы последствия ни были у моих решений, они принесли главное – у меня были Аня и Крош, а всё остальное... А обо всём остальном я не буду думать сегодня и, под стать Скарлетт, оставляю это на завтра. Или же ещё дальше. В душе болезненно царапнуло чувство вины, но с ним я тоже научилась жить.

В кармане завибрировал телефон, и сердце очень наивно сжалось, видимо – вопреки всем моим решениям – ожидая чего-то. Глупое. Кому мы с тобой нужны? И это беси-

ло, невероятно. Стоило услышать одно лишь замечание о том, что Измайлов едет к нам, как я уже вся превратилась в оголётанный нерв, состоящий из бредовых надежд и трепыханий. Ну дура же. И дело тут было не в чувствах или их остатках, всё вытравлено и сожжено давным-давно, а то, что осталось на месте моей души, очень сильно напоминало дыру, которую надо было чем-то наполнять. Вот и заполнилось чем попало – злостью, обидой, виной, стыдом... СТОП. Хватит. Прекращай думать об этом. И вообще, у тебя телефон звонит.

Никита был моим руководителем. Не прямым, и даже не косвенным. Он просто был... совладельцем сети заведений, в которой я трудилась. Но в последнее время он активно вмешивался в дела нашего клуба, и что-то мне подсказывало, что моя скромная персона имела в этом деле... не последнее значение.

– Привет! – выдала я максимально жизнерадостно.

– Привет, – отвечает мне Никита, и я чувствую, что он... улыбается. Это не было неожиданностью, мы вроде как приятельствовали, по крайней мере, кто-то из нас предпринимал все усилия, чтобы это было так.

– Решил заглянуть сегодня к вам на планёрку, поэтому звоню с предложением: как ты смотришь на то, чтобы я тебя подвёз? – беззаботно-позитивно предлагает мне Киреев.

Я киваю головой, словно соглашаясь с ним, и сумбурно убеждаю себя в том, что на сегодняшний день это то, что

мне надо. Можно даже флирт не брать в расчёт, который в последнее время проскальзывал между нами. Просто лёгкое общение, не обременённое никакими лишними думами или заморочками, потому что если не с ним, то с кем? Мама, братья, снохи, дети... я уже прям чувствую то выматывающее ожидание, которое очень скоро повиснет между нами. И подруги мне тут тоже не способны помочь, потому что не рассказать о приезде бывшего мужа (подробности о том, что это лишь фигура речи, мы опускаем) считалось преступлением.

Короче, у меня есть целый миллион причин сказать «да». В том числе и из-за того, что Никита мне нравился, чисто по-человечески, но упрямый язык несёт совсем другое:

– Никит, а я уже вышла. Прогуляться хочу, сегодня весь день с домашними делами воевала, теперь воздухом дышу...
...и думы думаю, дурацкие и никому не нужные.

– Понял, – ничуть не обидевшись, усмехается он. – Тогда как насчёт того, чтобы после всего заехать куда-нибудь выпить кофе?

– А потом я ребёнка из садика забираю...

– Могу поспособствовать.

– Никит... – с нотками паники прошу я его о чём-то неведомом.

– Оль, это просто дружеское предложение. У меня есть свободное время и невероятное желание провести его в приятной компании.

Интересно, а гиперактивного Крошика с его частыми оби-

дами и переменами в настроении можно назвать приятной компанией?

Видимо, я мнусь, и Киреев добавляет нажима в голос:

– Так, Измайлова, отказы больше двух раз в неделю не принимаются.

– Сегодня же только понедельник, и это пока что первое предложение на этой неделе.

– А я о чём? Можно подумать, что я тебя не знаю. Дальше у тебя будет одна единственная отмазка – смена. То ты будешь в ночь, то после ночи, то перед ней. А поскольку я не желаю вредить собственному бизнесу и закрывать клуб посреди недели, то побереги остатки моей гордости и просто согласись.

Я неожиданно легко усмехнулась, чувствуя, как губы непроизвольно растягиваются в улыбке. Всё-таки Кирееву было не занимать очарования и, кажется, он прекрасно об этом знал.

– Ладно.

– Не слышу.

– Хорошо, говорю. Разрешаю заехать в кофейню, – про свои сложные отношения с кофе я умалчиваю, – а потом в садик за ребёнком.

– И я даже могу надеяться на то... – тут он делает театральную паузу, отчего моё дыхание вдруг сбивается, – что ты позволишь мне довезти вас до дома?

Дурак, но это оказывается на удивление приятно.

– Даже не знаю. Кроша ещё выгулять надо.

– Выгуляем.

И я соглашаюсь. Из-за чего потом иду и ругаюсь на себя за то, что... позволила мужчине замаячить на пороге своего дома. Дети не знали, как это. Да что там дети, я и сама уже забыла.

* * *

Его не было целую ночь, а придя на утро, он был откровенно помят и имел стойкий запах алкоголя. Я недовольно поморщилась, но промолчала. Я вообще с того дня много молчала, ожидая хоть сколько-нибудь взвешенного решения с его стороны. Он тоже ничего не говорил. Всё общение свелось к каким-то бытовым моментам и дежурным фразам из серии «привет-пока».

Спасала только Аня, не дававшая нам окончательно потонуть в нашем болотце. Мы даже теперь спали по очереди с ней, не в силах вынести взаимных обид. Хотя, с другой стороны, чего такого мы друг другу сказали? Он хотел перемен, я хотела стабильности. Он решил, что я не верю в него, я подумала, что не нужна ему. Как-то слишком прозаично, но мы тогда оба не смогли понять этого.

Развод Дамокловым мечом повис над нами, даже несмотря на то, что никто не говорил об этом вслух. Просто это единственное, что шло на ум, когда мы сидели по разные сто-

роны кухонного стола и душили друг друга обоюдным молчанием и колючими взглядами.

А через месяц Сергей объявил мне, что нашёл работу в другом городе.

– Поедешь? – скомкано спросил он.

– А сам как думаешь? – по максимуму безразлично задала я встречный вопрос.

И он всё понял правильно, правда, так и не разобрав моих причин. Видимо, решил, что мне всё равно. А мне так хотелось, чтобы он позвал, чтобы сказал, что никуда без меня не поедет... Наивные бабские мечты. Но ведь он не звал, он спрашивал, тем самым давая мне выбор, который мне был совсем не нужен.

Если бы он сказал, что любит меня, и что дело не... в нас. Я бы молча взяла чемоданы и ребёнка и безропотно последовала за ним на край света. Но Измайлов этого не делал, и глупая я не стала мешать ему собирать вещи.

В последний его вечер дома я отвела Аню к маме, не хотела, чтобы ребёнок был свидетелем всего этого дерьма, что творилось между нами. Ей и так было тяжело, мы старались сдерживаться при ней, не вынося на глаза дочери всё, что бурлило внутри нас. Получалось обжигающе холодно и до скрежета зубов напряжённо. Она всё понимала, и во многом лучше нас самих.

Серёжка весь день где-то пропадал, а я без дела шаталась по квартире, стараясь не замечать две спортивные сумки,

стоявшие в коридоре. Как же я их тогда ненавидела. Хотелось схватить их и спустить в мусоропровод, или сжечь, или выкинуть... из окна. Он бы пришёл, а сумок этих нет... и необходимости куда-то уезжать тоже.

Пришёл он поздно, еле слышно прикрыв за собой дверь. Но я услышала, подрываясь с кровати и хватая халат. Уснуть всё равно не получалось, и я вышла в прихожую. Он топтался у порога, рассматривая пресловутые сумки, будто не понимая, откуда они здесь взялись.

Я тоже старалась быть тихой, но всё равно заметил. Поднимая свои серо-голубые глаза на меня, вот только лукавства в них не было. Исключительно тоска, щемящая и ничем не прикрытая, будто отражение меня самой. Он уже стянул с себя обувь и ветровку, оставшись в джинсах и пуловере.

– Будешь? – глупо протянул он мне открытую бутылку, которую всё это время сжимал в своей руке.

Послушно кивнула головой, не в силах выдать из себя ничего другого.

Виски был так себе. Неприятно обжигая горло, он оседал тяжёлым комом где-то внутри меня, оставляя после себя горькое послевкусие. Мы так и остались в прихожей. Сидели на полу, прислонившись к стенам и передавая быстро пустеющую бутылку из рук в руки. Он хмуро смотрел в потолок, а я пускала редкие слёзы, даже не пытаясь их скрыть.

Когда в бутылке оставалось всего ничего, он не выдержал:
– Почему всё так?

– Как? – закашлявшись, спросила я.

– Больно.

Нервно пожала плечами, пытаюсь подобрать нужные слова, а они всё не желали находиться.

– Потому что это действительно больно.

– Тогда поехали со мной? – порывисто зовёт он, впиваясь в меня своим тяжёлым взглядом.

А я лишь качаю головой, пуская свои идиотские слёзы и бормоча:

– Не могу. Не так...

Серёжка кивнул головой, словно принимая мой ответ. Правда, принятия в нём не было вообще никакого, я видела это по его пальцам, с силой сжимающим горло бутылки.

Мы ещё долго сидели так. Виски давно кончился. Меня мутило, то ли от выпитого, то ли от ситуации. А он с противным звуком катал пустую бутылку по полу.

А потом случилось то, что случилось. Я раньше часто гадала, кто из нас сделал первое движение на встречу, но так и не смогла вспомнить. Наверное, всё дело в алкоголе, а может быть, это и не имеет никакого значения. Просто вот только что сидели на полу, а в следующий момент мы уже стоим на ногах, остервенело хватая воздух ртом и сжимая друг друга в безумных объятиях. Кто-то из нас ревёт, потому что щёки у обоих влажные и солёные. Мы целуемся, беспорядочно и хаотично, просто куда попадём, иногда нам везёт, и наши губы находят друг друга, сцепляясь в безжалостной борьбе,

скрешиваясь зубами, языками, дыханием.

Он тащит меня в спальню, а я грубо стаскиваю с него пуловер, больно скользя ногтями по его коже, но этого никто не замечает.

Ночь вышла иступляюще жадной. Пытаясь навсегда проникнуть под кожу, в душу и сознание, мы забирали и отдавали всё, что только было у нас, не отпуская друг друга часами. Было больно... морально. Потому что каждый понимал, что это в последний раз. Вот так вот. По-честному, без прикрас и обещаний. Просто был он. И была я. Обнажённые, распалённые, влажные и до ужаса несчастные. Именно той ночью в нашей маленькой спальне были поставлены последние мирные точки между нами. Ведь то, что было дальше... даже точкой назвать нельзя.

Но это было потом, а пока мы всё ещё были рядом. Когда сил не оставалось ровным счётом ни на что, он притянул меня к себе и поцеловал в мокрый лоб, едва шепча:

– Дождись меня.

А я притворялась, что не слышу или не понимаю, потому что у меня и так не было иных вариантов.

Наутро я проснулась одна, в квартире было глухо. И вроде всё как всегда, если не считать двух спортивных сумок, которых не было в прихожей, и бутылки из-под паршивого виски, которая торчала из мусорного ведра в кухне. И, конечно же, ЕГО, которого тоже уже не было.

Глава 5.

Трудилась я в ночном клубе. В самом неподходящем месте для матери двоих детей, по крайней мере, так считала моя матушка. А мне нравилось. И даже не из-за денег, хоть и платили хорошо. Просто это было... увлекательно. Официально моя должность звучала как «Администратор», но, по сути, я являлась «дежурным стрелочником», то есть человеком, который на смене отвечал за всё. А поскольку клуб наш считался одним из лучших в городе, то и размах ответственности был под стать его статусу, но мне всё равно нравилось: держать всё под контролем и находить общий язык даже с самым неадекватным клиентом. Правда, пришла я к этому далеко не сразу. Но ведь пришла?

Когда-то «Облака» были выбраны мной по одной простой причине – нужно было работать по ночам, а днём заниматься детьми. Сейчас же всё перевернулось, и самый главный плюс превратился... не то, чтобы в минус. Но стало тяжело, то ли возраст начинал брать своё, то ли я просто выдохлась. Запал вроде ещё был, а вот глаза уже не горели. Начинало хотеться чего-то иного, вот только я ещё не понимала чего.

Мы совещались. У нас даже специально отведённое для этого место было – конференц-зал. Ну как зал. Узкое безликое помещение, с длинным столом и кучей стульев, где мы иногда собирались, чтобы решить, как жить дальше. Слу-

чалось это по понедельникам, когда клуб был закрыт после бурных выходных, этакая пересменка, где дела одной недели плавно перекидывались дальше.

Сегодня нас было непривычно много. Вся управляющая администрация во главе с Игорем – исполнительным директором, руководители всех служб – охрана, бухгалтерия, креативный отдел и все остальные. Ещё три админа в роли исполняющих решения сильных мира, которым потом вменялось идти и реализовывать все принятое и придуманное. Машка, Гошан и я.

Ах да, был же ещё Никита Алексеевич – совладелец клуба.

Игорь уже минут десять распекал кухню за какие-то очередные траблы с поставщиками. И я даже честно старалась слушать, потому что за приёмкой товара через раз надлежало следить нам. Слушать получалось плохо. А всё из-за Киреева, который сидел во главе стола и смотрел на меня, чуть ли не в упор, при этом совсем по-идиотски улыбаясь. Я неуютно ёрзала на стуле, не зная, куда спрятаться от его внимания, и стараясь не краснеть.

– Яйца подкатывает, – шепчет мне вездесущая Машка, за что тут же получает от меня под столом.

– Мы просто общаемся, – шёпотом отбиваюсь я.

– Знаем мы, к чему такое общение приводит, – фыркает она.

И я уже почти жалею, что согласилась на кофе. Про нас давно судачили. Привыкла. Я вообще как-то спокойно отно-

силась к слухам, но это всё равно не означало... что надо сидеть и смотреть на меня, порождая во мне волну неясной паники.

Совещание сильно затянулось, поэтому из конференц-зала я вылетела быстро, думая лишь только о том, что опаздываю за Крошем.

– Оль, подожди, – окликает меня Киреев, и все, конечно же, проходя мимо по коридору, не забывают одарить меня многозначительными взглядами. Замечательно.

– Ну и что это было?! – пытаюсь я подавить своё раздражение.

– Где? – делает он круглые глаза.

Недовольно морщусь. С начальством так не разговаривают, знаю. Но Киреева в принципе сложно воспринимать как стоящего надо мной. Было в нём что-то такое... излишне лёгкое. Думаю и сама же не понимаю себя, хотела же лёгкости? Вот и получай, только расписаться не забудь при получении.

– Извини, – решаю я не углубляться в тему. – Мне бежать надо, сын ждёт.

– А кофе? – ухмыляется он, видимо, думая, что я ищу отмазку.

– Мы тут прозаседались. Садик скоро закрывается.

– Тогда я подвезу, договаривались же.

Отрицательно качаю головой.

– Никит...

– Подожди. Ты же сегодня обещала беречь мою гордость и не отказывать дважды за неделю. А один отказ сегодня уже был.

Ничего я там не обещала, но он улыбается, как-то совсем обезоруживающе, что у меня просто не получается отказать.

До садика ехали в напряжении. Началось с того, что я высказала всё, что думаю о его взглядах.

– Хорошо, очки в следующий раз надену, – лыбится он своей находчивости.

– Ты не понял.

– Оль, да понял я всё. Я тебя смущаю, значит, не буду больше... делать это настолько откровенно.

Сегодня он разошёлся как никогда. Мы до этого реально просто приятельствовали, а сегодня намёки из Киреева льются как из рога изобилия.

Устало вздыхаю.

– Прекращай, правда.

Он уже припарковался во дворах, недалеко от садика, поэтому смотрит на меня прямо, и во взгляде этом некая толика непонимания.

– У тебя кто-то есть? – без лишних хождений вокруг да около, интересуется Никита. Отчего делается неловко.

– Да. Двое детей и работа, занимающие всё время...

– Ну с работой можно что-нибудь придумать.

– Нельзя, – категорично отрезаю я, мне вот ещё протекции не хватало.

– Упрямая, да? – ухмыляется он.

– Самостоятельная.

Я думала, что он поймёт. Но нет. Кажется, Никитку это только раззадоривает.

– И как же тебя такую самостоятельную-то муж оставил? – пытается он пошутить, а может быть, и не пошутить, но всё равно получается неприятно. Я из-за этого только ещё больше закрываюсь. Ненавижу разговаривать про Измайлова. Ни с кем.

Не знаю, что у меня там с выражением лица, но до него всё же доходит.

– Ладно, окей, про бывших мужей не шутить. И не смотреть. Что ещё?

За Крошем успеваю в последний момент. Ребёнок дуется. Опять.

– Ты опоздала, я один остался.

– Знаю, милый, знаю.

– Ты обещала сегодня пораньше прийти.

– На работе задержалась...

...а потом ещё с другим мужиком отношения выясняла.

Но про последнее ему лучше не знать.

Он не отвечает, лишь недовольно кряхтит. Одеваемся мы медленно, потому что сыну не нравится всё на свете: ни штаны, ни шапка, ни всё остальное. И покидаем сад под всё тот же недовольный взгляд нянечки.

А на улице, как назло, нас ждёт Никита. И бедный Крош всё никак не может определиться, что в нём превалирует больше – обида или любопытство. В итоге побеждает машина, в которой его предлагают подвезти. Мальчики такие мальчики.

Мы с мелким сидим на заднем сидении, и он жмётся ко мне, с недоверием поглядывая на незнакомого дядьку. Впрочем, Никиту это не смущает. Он что-то там рассказывает Крошу про машины, и тот даже слушает, в нужных местах кивая головой, а я вся внутренне замираю, не в состоянии понять, как он действительно относится к происходящему. До этого Крошик воспринимал всех мужчин, маячивших хоть как-то на нашем горизонте, с настороженностью и полным отрицанием. Не то чтобы там реально кто-то маячил или сильно пытался, но тут был важен сам факт. Он даже моих братьев к себе не сразу подпускал, если долгое время их не видел.

А тут прям целый новый и шумный дядька, с красивой машиной и горящий желанием с ним пообщаться. У ребёнка просто-напросто сбивалась матрица.

Уже когда въезжали в наш двор, решила позвонить Ане. Дочь не ответила, я внутренне собралась. Главное, чтоб дома нашлась, а там уже разберусь. Благодаря сему моменту у меня появился веский повод заторопиться в квартиру, а не разводить долгие прощания с Киреевым.

– Убегаешь, – усмехается он.

Я кошусь на сына, который с упоением что-то рассматривает по сторонам. Мы стоим на улице, в десятке метров от нашего подъезда, я крепко сжимаю ладонь Кроша, который нетерпеливо топчется на месте.

– Давай не сейчас, – тихо прошу я.

– Ну, ты же понимаешь, что рано или поздно нам придётся об этом поговорить.

«Лучше поздно», – думаю я, но не говорю об этом вслух.

Никитка садится на корточки, прямо напротив мелкого.

– Ну что, парень, давай прощаться, – Крош переводит взгляд с чего-то за моей спиной и с удивлением смотрит на Киреева, будто только сейчас его обнаружил. Никита протягивает ему ладонь для рукопожатия. – Увидимся ещё?

Деть обдумывает слова и неожиданно кивает головой, но руку пожимать отказывается.

Вместо этого вклиниваюсь я.

– Никит, мы пойдём. У меня Анька чего-то трубку не берёт.

– Мам, так Аня вон, стоит с кем-то, – подаёт голос ребёнок, заставляя меня обернуться назад.

Впрочем, голову я поворачиваю не столько из-за замечания сына, сколько из-за давящего чувства, что кто-то прожигает мой затылок своим тяжёлым взглядом. А я даже не могу предположить, что у него там, в этом взгляде... ненависть, злость, обида, али ещё что... Измайлов уже смотрел на меня так однажды, и мне хватило на всю оставшуюся жизнь.

То, что я беременна, поняла достаточно быстро. Поняла и не удивилась. Было в этом что-то такое закономерное. Серёжка уехал, а я беременна, ну логично же? Он звонил поначалу, а я отвечала сухо и невпопад, борясь со своим желанием вернуть его обратно. Одна фраза и он бы вернулся, я это точно знала. Но мне же хотелось другого, чтобы он сам, чтобы ко мне. Поэтому очень скоро всё наше общение перешло в разговоры об Анютке и какой-то мелкой бытовухе. А потом и вовсе, видя его имя на дисплее, передавала трубку дочери, лишь бы избежать этих неловких пауз и виноватых вздохов с обеих сторон.

Я не знала, что ему сказать. Или как ему сказать.

Всё было по-дурацки и путанно.

Анютка тоже грустила. По ночам я тащила её к себе в постель и утыкалась в родную макушку, так нам обоим было спокойней.

Если не считать всего вышеперечисленного, то всё протекало вполне спокойно. Работала, воспитывала дочь и в тайне ото всего мира боролась с токсикозом. Даже маме не говорила, просто это казалось неправильным – говорить о ребёнке хоть кому-нибудь раньше Измайлова.

А потом она как-то поняла всё сама, но не стала задавать мне никаких вопросов, что было поразительно. Может быть,

чувствовала моё состояние, а может быть, ответов боялась.

Жизнь шла своим чередом, и как оказалось, мир не рухнул без него. Ежемесячно высылал мне деньги, которых хватало закинуть на кредит и ещё немного на жизнь. Впрочем, у меня была моя зарплата, и нам двоим вполне хватало. О том, что будет дальше, когда рожу, когда декрет, старалась не думать.

Слепая уверенность в том, что он обязательно вернётся. Не ко мне, так к Ане. Мы ведь не расстались, не развелись и даже не поссорились. Просто... всё было нихрена не просто. Но я всё ещё надеялась на нас, на то, что «мы» где-то живы.

Он приехал на исходе лета, спустя полгода после своего отъезда. Я возвращалась домой от мамы, куда отводила дочь. Подходила к дому, смешно выпятив живот вперёд. Ещё не успела привыкнуть к его объёмам, Крош внутри меня совершил какой-то нереальный скачок в размерах за последние недели.

Серёжку почувствовала интуитивно. Просто поняла, что он где-то здесь, ещё до того как вывернула из-за угла, а он уже стоял у подъезда. Широкие плечи, прямая спина, знакомая макушка... Сердце сделало захватывающий кульбит, сбивая и без того неровное дыхание. Замерла на месте в попытке удержать рвущуюся наружу радость. Приехал. Всё-таки приехал. Наивное сознание уже рисовало какие-то там картинки будущего счастья, когда Измайлов обернулся ко мне.

Хмурый и весь какой-то посеревший, словно больной. Мазнул по мне быстрым взглядом, застряв на животе, из-за чего мои руки сами собой непроизвольно скрестились в защитном жесте.

– Привет, – неуверенно промямлила я, но он не ответил. Продолжая разглядывать живот. Он не был удивлён, скорее мрачен и раздосадован. Первая мысль была о том, что он злится на меня из-за беременности, что не сказала, что сама всё решила.

Впрочем, всё это быстро ушло на второй план, когда он поднял на меня свои красные, будто воспалённые глаза и задал вопрос, навсегда перечеркнувший любое «нас».

– Чей?

Я нахмурилась, не понимая его реакции и слов. Подумала, что мне послышалось. А он повторил.

– Ребёнок. Чей?

Удушающая волна ярости и обиды прошла по моему телу, застревая где-то в горле и вытесняя оттуда ядовитое:

– Не твой.

Вместо ответа его взгляд. Последний его взгляд, брошенный на меня. Злой и прожигающий, насквозь, до основания, до костей. Пара мгновений, в течение которых я беззвучно умирала где-то внутри себя, после чего он развернулся и ушёл. А я осталась стоять, не понимая, что, видимо, это навсегда.

Глава 6.

Пытаюсь не смотреть на него, но ничего не получается. И пусть его взгляд обжигает, душит и выворачивает душу наизнанку, но это такие мелочи по сравнению с тем, что я могу его видеть. Измайлов повзрослел, стал жёстче, мощнее, мужественней. В моей памяти он был всё ещё юношей, а сейчас в некотором отдалении от меня стоял самый настоящий мужчина, по-своему красивый, статный, сексуальный. С непривычки показалось, что он стал выше и мощнее, слегка раздавшись в плечах. А может быть, все дело в позе: руки в карманах, полы кожаной куртки разведены, ноги широко расставлены и этот взгляд исподлобья. Только лукавства не хватает, потому что серьёзен как никогда. Совсем взрослый. Наверное, даже зрелый. По крайней мере, мне хочется так думать. Мне просто до дрожи в коленях необходимо верить в то, что он вырос именно таким, и ради этого приходилось заталкивать вглубь себя все обиды и претензии. Он обязан был вырасти хорошим человеком, чёрт его возьми, обязан. У меня от него было двое детей, и даже если он не знал об одном из них, я должна была верить, что родила их от достойного мужчины. Ради себя, ради своих же собственных детей.

Это было сложно. Смотреть и заставлять себя не ненавидеть его. Потому что в этой ситуации сложно было не злиться. И если не на него, то оставалось только на себя.

– Оля, – выбивает меня из ступора Никита, и я с неохотой отворачиваюсь от Измайлова, рядом с которым всё это время стояла Аня. – Всё в порядке?

– Наверное, – безразлично пожимаю я плечами, а сама судорожно прижимаю к себе Кроша, словно стремясь закрыть его своей спиной от ненужных взглядов. Тот недовольно фыркает и пытается вырваться, ему хочется к сестре, ему любопытно. Он ещё не понял, что за мужчина там стоит. То ли к счастью, то ли нет. Просто видит Аньку, которую честно считает своей собственностью, и всей своей душой по привычке рвётся к ней.

– Никит, мы пойдём. Спасибо, что подвёз, – на автомате произношу я, хватая недоумевающего сына за капюшон куртки. Боюсь представить, как это выглядит со стороны. Да и не только со стороны. По своей сути это тоже слишком хреново. Ребёнок рвётся в сторону отца, а я как последняя сука удерживаю его на месте.

Только не думай об этом, только не думай.

– Крош! – ледяным тоном требую я. – Успокойся! Сейчас домой пойдём.

– А гулять? – теряется он, на миг переставая вырываться.

– Не сейчас.

Киреев пытается влезть в наш диалог, но я отворачиваюсь от него, крепко сжимая ладонь сына. И он неожиданно подчиняется, правда, при этом грустно повесив нос, отчего внутри меня всё рвётся на кусочки.

Дорога до подъезда подобна личному восхождению на Голгофу. Аня с Серёжей стоят чуть поодаль, и он больше не смотрит, слегка ссутулившись и отвернувшись от нас. Всё к лучшему.

Аня нагоняет нас у самых дверей.

– Мам... – одними губами шепчет она. – Он только что приехал.

– Здорово, – из последних сил киваю я головой. – А на звонки почему не отвечаешь?

– Телефон дома забыла, – виновато поясняет она.

– Телефон возьми, – прошу я её, заставляя голос сделаться хоть сколько-нибудь тёплым. Аня-то не виновата ни в чём. Поправляю на ней капюшон от куртки. – И шапку надень. А папе передай, чтобы долго не задерживались, тебе в школу завтра.

Она осторожно кивает головой, видимо, боялась, что я буду ругаться. Хотя когда это я вообще ругалась?

– Я сейчас, – кричит она отцу и скрывается вместе с нами за подъездной дверью.

Аня уехала с Измайловым, Крош завис над мультиками, на какое-то время позабыв про обиды. А я сижу на холодном керамическом краю ванны, раскачиваясь из стороны в сторону. Чувствовала ли я себя виноватой? Да, каждый грёбаный день.

Поначалу меня спасала злость. От того, чтобы просто не развалиться. Я и не знала, что умею так ненавидеть. Правда, ответа на вопрос, кого именно я ненавидела в тот момент сильнее – себя или его – у меня нет. Это было очень большое и тягучее чувство, которое заставляло меня ещё хоть как-то держаться, пока через неделю не пришло понимание, что это всё, конец. И он не вернётся. Вот как так? Его не было полгода, но была надежда, что приедет. Его не было неделю, и я знала, что навсегда... ну или почти. Шесть лет тоже своего рода вечность. И вот как я это поняла, начался такой... трындец. Меня подкосило, и даже Анька была не в состоянии заставить меня держаться.

На фоне стресса загремела в больницу. Это вообще загадка, как я смогла Кроша доносить. Я тогда больше месяца на сохранении провалялась. Апатично и безэмоционально. Не представляла, что умею быть такой.

В один из вечеров приехала мама, мы с ней долго сидели в холле больницы, я куталась в длинный махровый халат, не способная согреться. Она мне долго что-то рассказывала. Про дочь, про братьев, про племянников. На автомате кивала головой и немигающим взглядом рассматривала трещины на полу.

А потом... А потом я заработала первую в жизни пощёчи-

ну от матушки. Слава богу, последнюю, больше бы не простила, а вот тогда в тему оказалось.

– О себе не думаешь, о детях подумай, – отчитывала меня она. – Думаешь, тебе тяжело? Об Аньке бы подумала. От тебя мужик ушёл, а у неё и отец неизвестно где, и мать вконец рехнулась.

Я подняла на неё свои глаза, полные слёз.

– Мам, как мне без него? Мы же... с пятнадцати лет вместе.

– Легко. Зубы сжала, провылась в подушку и вперёд, с гордо поднятой головой. Я же без вашего отца вас троих вытянула. Вот и ты с двумя справишься.

Хотелось ошестиниться, кричать, что она меня не понимает, что папа умер, а меня предали. Но мозгов промолчать хватило, осознав, о какой же херне я всё-таки думаю.

Меняхватило ровно на две недели. Крош родился недоношенный, мелкий и слабенький. И это одна из тех вещей, которую я вряд ли смогу себе простить. Нет, не своё враньё Измайлову, не то, что у меня двое детей без отца растут, а именно то, что из-за своей неадекватности чуть не потеряла сына. Как оказалось, две недели перинатального центра позволяют очень так неплохо прийти в чувства и уже наконец-то собрать себя в кучу. Отрезвляет, короче, от лишних эмоций, обид и заблуждений. Я тогда каждую ночь клялась, что справлюсь в этой жизни со всем чем угодно, лишь бы с сыном всё в порядке было. Имя ему боялась давать, суете

верная дура. Собственно, тогда впервые и зародилось наше «Крош».

Забирали мы его вдвоём с Костей – моим старшим братом. Меня опять тянуло реветь.

– Не смей, – строго велел он, и я послушно кивнула.

Продержалась два года – не редела даже в самые сложные и отчаянные моменты, кусала губы, скрипела зубами и не смела. Но опять-таки это было потом, а сейчас мне нужно было научиться одной выживать с двумя детьми.

Измайлов продолжал слать деньги. День в день, срок в срок. Первым порывом было просто послать его. Но. История с Крошем научила одному – сначала думаешь, а потом истеришь. На моё пособие я бы не потянула. Вообще никак. Садиться на шею маме тоже был не вариант. Пришлось душиТЬ свою гордость и терпеть год, пока не смогла выйти на работу.

За год сидения дома осознала многое. Несмотря на свою браваду, долго терзалась чувством вины. Перед всеми, но в первую очередь перед детьми. Смотреть, как Анютка тосковала по отцу, было невыносимо. Он же теперь и не звонил вовсе, все контакты осуществлялись через свекровь, смотрящую на меня волком. Когда она приезжала за внучкой, я даже в коридоре не показывалась, оставляя все переговоры на маму.

Ситуация была настолько абсурдной, что с каждым днём всё больше и больше походила на плохой анекдот. Особенно

когда Аня непонимающе спросила, можно ли Кроша обратно на папу обменять. Нельзя. Именно тогда я себе поклялась, что сделаю всё, что в моих силах, чтобы компенсировать детям всё, чего мы с Измайловым их лишили. И если я не могла дать им отца, то... могла выложиться во всём остальном.

Когда Крошу исполнился год, я вышла на работу. В кафе возвращаться не было никакого резона. Ни по деньгам, ни по графику работы. Пошла всё тем же официантом в ночной клуб. Мама сидела с мелкими дома, давая мне возможность пахать по ночам. У нас с ней порой всё напряжённо, с треском и непониманием, но я всегда буду благодарна ей за то, что она сделала для нас. Братьев, меня, моих детей. Наверное, она как никто другой знала, что значит всё на себе тащить.

Пахала на две ставки сразу, практически забыв, что такое сон. Хватило меня на год. После того как проснулась однажды в автобусе на конечке, поняв, что проспала всё к херам собачьим. Вот тогда и разревелась, впервые за два года. Горько было и как-то совсем пусто.

А на следующий день пришло извещение из банка, что господин Измайлов полностью покрыл кредит за квартиру. Не знала, что думать по этому поводу, я уже тогда приучала себя к мысли, что нужно учиться жить вообще без его денег. Тупо, знаю. Но у меня было стойкое чувство, что он тоже так пытается искупить свою вину. Продаваться не хотелось.

Мысль о том, что не надо кредит платить, позволила

немного проредить свои же смены. А потом меня повысили до администратора. К тому времени я уже успела трижды проклясть себя за то, что так и не получила образование. Была права моя родня, когда ругалась на меня за то, что универ бросила. Поэтому пришлось многое осваивать на ходу, методом проб и ошибок. Стандартно раз в неделю была на грани увольнения, потом реже – раз в месяц. В конце концов, втянулась, понравилось, даже кураж однажды поймала. Вдруг оказалось, что я знаю, как усмирить пьяных и обдолбанных клиентов, как построить персонал, как организовать пенную вечеринку или мальчишник со стриптизом. Матушка была уверена, что я руковожу притоном. А я думала, что это работа, не хуже и не лучше других. Хотя нет, вру, всё-таки я радовалась, что работала именно здесь, потому что стриптиз не превращался в проституцию, и наркоманов мы не любили и гнали отсюда всех подозрительных личностей, неявно, но настойчиво. Поговаривали, что у Игоря брат сторчался, возможно, поэтому у нас не торговали. А может быть, наш клуб был не самым падшим местом в этом мире. Поэтому к нам и ходили не просто потанцевать или выпить, но часто приводили стратегических партнёров, подписывали различные контракты, а потом всё это бурно отмечали. У нас было «чистенько»... насколько это могло быть в клубе. Исходя из этого мы все и держались за это место.

Ну и, конечно же, деньги. Год назад я смогла купить квартиру, опять-таки в ипотеку. Но, я знала, что справлюсь. Каж-

дый в семье нуждался в своём пространстве, да и точку в прежней жизни хотелось поставить жирную. Старую квартиру не продала, сдавала жильцам. С одной стороны, без Серёгина согласия это было сделать невозможно, а с другой... Права у меня такого не было, что ли.

Так мы и жили. Втроем. Почти независимо и самостоятельно. Без бабушки нам пока что было никак.

Анютка училась в школе и во всём мне помогала, хотя я и старалась не нагнать. Она вообще моей главной опорой была все эти годы. С Серёгой они общались, по телефону, по скайпу, я в эти моменты старалась исчезнуть, чтобы не слышать. Иногда она со свекровью... бывшей свекровью ездила к Измайлову. Стандартно, пара месяцев летом, иногда неделя зимой или осенью. Дочь быстро просекла, что пытаться разговаривать со мной об отце бесполезно, я в эти моменты просто замыкалась, вот она и решила побереечь мои чувства.

Она была умничкой, но со своими чудинками, например, протестом против мяса, но что-то мне подсказывало, что это не навсегда. Собственно, мы уверенно подбирались к подростковому возрасту, и я с замиранием сердца ждала, что же ждёт нас за поворотом.

Крош. Моя точка невозврата. Странно, но с Аней я никогда не задумывалась о том, что значит быть матерью, а вот с сыном меня накрыло. Хотелось ясности и ответов. Понимала же, что я у него одна буду, поэтому сделать хотелось всё правильно, получалось через раз. Он был сложнее, чем

Аня. Эмоциональней, восприимчивей, острее. И это ничуть не успокаивало моего извечного чувства вины перед ним. Но я тешила себя надеждами на то, что однажды он меня, возможно, простит.

А сейчас нам надо было просто жить. Чем мы, собственно, и занимались, и у нас даже неплохо так получалось. По крайней мере, в один прекрасный день я перестала ощущать себя на грани выживания. Дети ладили и нежно любили друг друга, хоть каждый вечер и скандалили между собой. Крош, несмотря на всю свою сложность, рос очень подвижным и на удивление смышлёным. Местами даже счастливым. Дочь тоже нашла свой баланс в нашей безумной семье.

И всё было вполне спокойно. Пока Измайлову не приспичило приехать обратно.

Глава 7.

Тем же вечером Аня осторожно поскреблась ко мне в комнату. Я как раз меняла постельное бельё в надежде хоть как-то себя отвлечь.

– Ты сердишься, – то ли спрашивает, то ли утверждает она.

Обречённый вздох вырывается сам собой.

– Мы это уже обсуждали.

– Но ты... – останавливается дочь на полуслове.

– Расстроена, – решаю быть честной с ней. – Но с тобой это никак не связано. Вернее, мне очень жаль, что тебе приходится разрываться между мной и папой. Но это полностью наше с ним дело.

Почему-то смотреть на дочь тяжело, и я в буквальном смысле ухожу с головой в пододеяльник. Это спасает от полного эмоционального коллапса, потому что к следующему вопросу я в принципе не готова.

– Ты всё ещё его любишь?

Челюсть у меня отпала. Но пока я копошусь в попытках найти выход из лабиринта пододеяльника, зачатки самообладания немного возвращаются ко мне. И тут же улетают куда-то прочь, стоит мне увидеть глаза собственного ребёнка. Надежда, в них стоит долбанная надежда. Я и предположить не могла, что спустя столько лет она все ещё может чего-то

ждать.

– Ань...

– Мам, ты на него так злишься до сих пор... даже говорить о папе толком не можешь.

Такая взрослая и понимающая, такая маленькая и наивная.

– Мы с... Серёжей, – на его имени голос дрогнул сам собой, – когда-то очень любили друг друга. Но возможно, были ещё слишком молоды, чтобы уберечь. А может быть, просто всё ушло. Такое бывает, к сожалению. Поэтому не думаю, что спустя столько лет вообще уместно говорить о... наших чувствах. Что было, то давно прошло. Зато у нас есть ты... – «и Крош», добавляю я мысленно про тебя. – И я всегда буду благодарна твоему папе за это.

А что ещё говорят в таких ситуациях? Что вообще можно здесь такого сказать, чтобы не дать ей лишних надежд, при этом максимально бережно прибить ту, что уже имелась?

– Но он же приехал! – неожиданно отчаянно выкрикивает Анютка.

– И что? Разве это меняет что-то между нами? Ань, он же не ко мне приехал... а к тебе, – по крайней мере, я хочу верить, что к ней, но дочери нельзя знать о моих сомнениях. Ей нужен её герой. – Или папа горит желанием встретиться со мной?

Она мнётся, не торопясь с ответом, и это молчание говорит красноречивей всех слов.

– Вот видишь.

Но Аня не сдаётся.

– Ты бы могла ему рассказать про... – и сама осекается, понимая, что зашла куда-то не туда

– Про что?

Или вернее про *кого*? И всё-таки она слишком много всего понимает.

– Ни про что, – делая шаг назад, еле слышно произносит она.

Аня никогда не спрашивала про отца Кроша. А я никогда не брала инициативу на себя, я вообще ни разу в жизни никому не произнесла вслух, чей он сын. Он был только моим, и отвечать за него и перед ним предстояло только мне.

Ночь выдалась изматывающей. Сначала долго не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок, а когда уснула, то весь остаток сна боролась со своими демонами. Наутро была разбитой и несчастной, впрочем, никого это не интересовало, в том числе и меня саму.

Отправив детей из дома, благо Анютка изъявила желание сама довести брата до садика, я ещё немного повалалялась в компании своих тревог и заморочек. В воздухе словно витал дух перемен, и у меня не было гарантий, что они к лучшему. Лежала и успокаивала себя, что всё будет как прежде, и вообще меня не касается, что там у Измайлова в голове творится, главное, чтобы Аньку не обидел и не расстроил.

Но, видимо, у него было иное мнение на сей счёт, о чём

он не преминул мне сообщить тем же утром, когда я, вконец уставшая от всех дум, решила добежать до магазина.

Я вышла из подъезда, читая на ходу сообщения из рабочего чата, где наш шеф-повар костерил «ублюдочных» поставщиков, которые уже с утра пораньше попытались в чём-то его обмануть.

Усмехнулась чужому мастерству строить матерные конструкции и чуть ли сама их не применила, когда со спины меня нагнал знакомый голос:

– И что, даже не поздороваешься?

Реагирую непростительно остро, споткнувшись и полетев вперёд, правда, устоять всё-таки сумела, ещё и подбородок задрала, в попытке хоть какую-то гордость изобразить. Самое поганое, что краем глаза заметила, как Измайлов дёрнулся в направлении меня, когда я начала своё позорное падение, а потом сам же замер, поняв, что не навернусь.

Вдох. Выдох.

– Я однажды уже поздоровалась, так и не дождавшись ответа. Хватило, знаешь ли, – на удивление ровным голосом отвечаю я, не оборачиваясь на него. Стою прямо и смотрю вперёд, ничерта не замечая перед собой.

Он издал неопределённый звук, то ли усмехнулся, то ли что. А у меня внутри прям-таки всё затрепетало от... праведного гнева, пришлось челюсть посильнее сжать, до зубного скрежета, чтобы не ляпнуть ничего лишнего.

Пока я тут стою, пытаюсь со своими эмоциями совладать,

он подходит, останавливаясь в полуметре от моей спины.

– Здравствуй. Оля, – тщательно выговаривает он моё имя, а мне кажется, что издевается, ну или ехидничает. Приходится развернуться, максимально плавно и неспешно.

Я спокойна. Спокойна. Хотя кому я вру? Моё имя с его губ... заставляет перевернуться всё содержимое моего желудка.

Сегодня он смотрит как-то иначе, в его серых глазах нет вчерашней ненависти, но есть что-то другое, что лишь на мгновение проскальзывает на дне его чуть расширенных зрачков, очень быстро маскируясь под вызов и нечто, смахивающее на самодовольство.

Спокойно.

Ничего не говорю, несмотря на то, что очень хочется. Я просто определиться не могу, с чего начать. Вопросы? Обвинения? Признания? А может быть, просто попытаться ему глаза выцарапать? Я бы, наверное, смогла.

Он тоже помалкивает, нагло рассматривая меня. И меня берёт досада, что он встретил меня с утра, когда я бежала в магазин ненакрашенная и обычная, вот если бы он перед моим выходом на работу приехал, когда я при полном параде...

Стой. Остановись. Прекрати. Перед кем ты там собралась красоваться?!

Но он смотрит, и я гадаю, что он там видит во мне. Вот ему изменения пришлось к лучшему, даже лёгкая небритость и еле заметные морщинки-лучики в уголках глаз безумно шли.

Я же... А что я? Нам обоим было за тридцать, но ведь вроде как для мужчины это не так фатально? В общем, по ощущениям я была тридцатилетней тёткой с двумя детьми и вечным недосыпом. Правда, в силу специфики своей работы старалась этого не показывать, успешно пряча под макияжем и модными шмотками. Но ведь возраст – он как бы в голове. Сергей же...

Опять я думала не о том. И чтобы не продолжать эту пытку взглядом, отвернула голову вбок, разрывая наш зрительный контакт.

– Зачем ты пришёл? – смотря мимо него, с напором спрашиваю я.

Кажется, он улыбается, по крайней мере, краем глаза замечаю, как уголки его губ приподнимаются.

– Поговорить, – просто и лаконично поясняет он.

Мой взгляд сам метнулся в сторону его лица. Было ощущение, что Измайлов просто издевается надо мной.

– Поговорить? – не веря своим ушам, переспрашиваю я. Хотя вроде и логично было, что он со мной не в шашки пришёл играть. – О чём?

– Думаешь, нам не о чем? – приподнимая брови, ухмыляется он.

– Думаю, что мы опоздали с разговорами... лет так на шесть.

Сергей задумчиво кивает головой, словно раздумывая над моими словами.

– Нехорошо тогда получилось.

Чуть не задохнулась.

– Хреново, Серёжа, хреново тогда получилось.

– Так чья это вина?! – за мгновение помрачнев, скалитесь он. Не могу поверить своим ушам. Жмурюсь, в попытке хоть как-то понять, что он мне сейчас сказал. Чья вина?!

Внутри сумбур, вулкан, землетрясение, пожар... Да там всё что угодно, но говорю я спокойно. И сама же поражаюсь своему хладнокровию, неизвестно откуда взявшемуся во мне.

– Судя по вопросу – моя?!

– Я не хочу ругаться! – неожиданно твёрдо отрезает он, игнорируя наши обоюдные выпады.

Фыркаю.

– Поздно, милый, поздно, – вкладываю как можно больше яда в свой голос, из-за чего он мрачнеет ещё сильнее.

– Я просил меня дождаться...

– А я просила не уезжать...

Хотя вру, не помню, просила или нет. Но точно знаю, что не просила оставлять меня... нас.

– Месть? – хрипит он.

– Думай, как хочешь, – цежу я сквозь стиснутые зубы, разворачиваюсь и начинаю уходить прочь от него, правда, тут же чужие пальцы хватают мой локоть, резко разворачивая к себе.

– Я не окончил.

– Да пошёл ты. Зато я закончила. Всё. Вообще всё.
Очень хочется дать ему пощёчину, но я сдерживаюсь.

Устало вздыхает, как-то покровительственно, словно пытаясь с пониманием отнестись к моей накатывающей истерике, а я искренне надеюсь, что он её не понимает, не понимает, как ранит меня своим присутствием, своими словами.

– Оль, я вернулся в город. Скорее всего, навсегда, – говорит он твёрдо и почти спокойно, а у меня сердце в пятки уходит. – Короче. Я собираюсь жить здесь. А нам ещё Аню как-то растить... видимо, вместе. А она переживает.

Эта его забота о дочери бьёт сильнее всего за эти несчастные пять минут нашего общения. Звучит так, словно это я... порчу жизнь своему же ребёнку. Хочется ударить, ужалить, отомстить.

– И с этим ты тоже опоздал! Дочь-то выросла.

Его пальцы чуть сильнее сжимаются на моём локте, а я только сейчас понимаю, что он всё ещё держит меня.

– А вот тут тебе меня не в чем обвинить, я все эти годы поддерживал с ней отношения.

– Вот именно, что поддерживал. Звучит как полумера. Мнимость. Иллюзия... Ай.

Это Сергей на считанные мгновения потерял самообладание и переборщил с силой нажима. Правда, стоило дёрнуться – и он тут же ослабляет хватку, да и вообще выпускает мою руку. Но вот глаза всё равно мечут гром и молнии. Мне.

Опять усмехаюсь.

– Не хочу я с тобой говорить. Не-хо-чу...

– Придётся, – практически рычит Измайлов.

А мне смешно. Почти. Или это истерика подкрадывается ко мне тихой сапой? И чтобы не поддаться ей, качаю головой, начиная пятиться назад.

– Время разговоров давно прошло, – и чуть подумав, добавляю. – Милый.

Он не останавливает меня, а я резво разворачиваюсь, уходя как можно дальше от него и пытаюсь вспомнить, куда там я изначально шла.

* * *

Она уходила. Быстро, нервно и как-то рвано. Будто убегая от меня. Хотя почему «будто»? Она убегала, не оборачиваясь и зло размахивая руками, а я смотрел ей вслед и пытался разобрать хоть что-то из того эмоционального урагана, что бушевал у меня в голове.

Она изменилась. Сильно. И это одновременно пугало, злило... и как-то восхищало, что ли. На ум шёл образ четырнадцатилетней девчонки с гордо поднятой головой и упрямым взглядом. Впрочем, это как раз то, что осталось прежним, а вот всё остальное... Долго всматривался в её зелёные глаза, зачем-то пытаюсь найти отголоски детско-юношеских воспоминаний о чём-то чистом и светлом, того, что мы когда-то так бездарно похерили, и у меня ничерта не получа-

лось. Во-первых, во мне самом этого чистого толком-то и не осталось, а во-вторых, как оказалось, я всё ещё злился. Хотя честно полагал, что уже давно успокоился, что всё ушло и отболело. Но оказалось, что нет. Чёрная, удушающая волна ярости поднималась во мне каждый раз, стоило лишь взглянуть на неё.

Особенно вчера. Когда увидел её... их. Впервые за шесть лет. И сразу же, словно с корабля на бал – она, мальчишка и этот... третий. Даже не знаю, как для себя его обозвать. И если к пацану я вроде как был готов, то к другому... Ну никак не получалось. Я ведь думал, что приеду, поговорим, как взрослые... как умные люди. По крайней мере, мне нравилось считать, что я стал именно таким. Оказалось, что ни хрена. Даже поздороваться не смог. Стоял и пялился на них во все глаза. С мазохистской жадностью впитывая, как Ольга пацана к себе жмёт, как головой своей крутит, с этим... другим разговаривает, улыбается. А у того чуть ли не слюни капаят, сразу же понятно, что у него на неё планы, далекоидущие. Тут же как-то зло на душе стало, ненавистно.

Больше всего цеплял пацан. Смешной, глазастый и мелкий такой. На ум сразу шло Анино «Крош». И предательская мысль додумывала дальше – *крошечный*. Дочь редко говорила про брата, видя моё раздражение, которое я тщетно пытался давить в себе – не получалось. Слава богу, она, да и никто другой, не знали, как я в минуты особого отчаяния мечтал о том, чтобы это был мой ребёнок. Не то чтобы я на что-

то надеялся, но иногда даже мне надо было о чём-то мечтать, чтобы не потонуть во всём том дерьме, что через раз пыталось погрести меня под собой. Спасался, цеплялся... а потом сам же себя ненавидел за эти ебучие мечты. Как же так?

Вчера полвечера в себя приходил, благо, что Анька рядом была, иначе бы пошёл и напился, а потом бы на геройства потянуло. Да ну нахрен их, эти геройства, плавали, знаем...

И вот сегодня опять. Ольга. Спасибо, что хоть одна. Красивая. Даже я со всеми своими обидами и претензиями, не мог не признать этого. Хотя она всегда такой была. Я когда её впервые увидел, у меня аж дыхание сбилось, рухнул за парту и замер, не зная, что мне с ней такой делать. Хорошо, что она меня тогда сама треснула, а то кто бы знал, чем бы это всё окончилось. Я ведь и рот мог открыть, и слюни пустить... как тот, вчерашний.

Но сейчас её красота была какой-то иной. Без понятия, как это объяснить, но изменения прослеживались во всём. В цвете волос, их длине, очертании скул, во взгляде. Я помнил её русой, с оттенками рыжего, когда Ольгины волосы выгорали на солнце от частого пребывания на улице во время работы в летних кафешках. Цвет сохранился, русый с рыжиной, вот только стал сложнее, словно вобрав в себя множество других оттенков. А с другой стороны, какое мне вообще было дело до её волос?! Никакого... насрать, абсолютно, а вот память цеплялась, спотыкалась, а потом громко шипела, разбиваясь о реальность. Скулы стали тоньше и будто бы

острее, как если бы её покинула девичья округлость, хотя это вряд ли. Ведь когда мы виделись в последний раз, мы уже давно были не дети. Одни лишь глаза, большие и зелёные. Глазища. Они всё те же. А взгляд другой. Холодный, циничный, стервозный. Хотелось встряхнуть её и потребовать вернуть ту Олю... которую когда-то давно я знал. Ну или же мне так только казалось.

Сплюнув на землю, я развернулся и пошёл в сторону своего автомобиля, борясь с безумным желанием закурить.

Глава 8.

Успокоиться удалось не сразу. Бесцельно бродила по району, просто приходя в себя, совершенно позабыв про магазин. К подъезду шла на негнущихся ногах, боясь встретить знакомую фигуру в кожаной куртке. Но его не было. Правда, и облегчения я не испытала. Теперь вообще казалось, что чувство тревоги навсегда поселилось у меня под кожей.

Оль, я вернулся в город. Скорее всего, навсегда. Да чтоб тебя, Измайлов! Только от одной мысли об этом сердце ускорило свой ритм. Наконец-то до меня доходит, насколько легче было жить без него, при условии, что он где-то там... Д-А-Л-Е-К-О. Я научилась жить без него, со всеми своими горестями и обидами, но ведь сама. И вот он здесь. Рядом. Хочет разговаривать. О чём? О прошлом? О будущем? Об Ане? А если я не могу? Ни об Ане, ни о себе... ни о чём. Я вообще с ним рядом находиться не могу, как последняя истеричка взяла и убежала.

Наверное, он прав в каком-то одном из своих мотивов, и вполне вероятно, что нам нужно решить, как уживаться всем вместе, в этом городе, в этих отношениях, опосредованных одной двенадцатилетней девочкой. Но. Я не могла, не получалось. Хотелось ему либо глаза выцарапать, либо выть белугой от обиды... за себя, за детей, за любовь свою нелепую.

Нет, Измайлов, нет у меня к тебе никакой любви. И по-

нимания. И всего остального тоже. Я даже дочери своей по ходу дела готова навредить своим упрямством, лишь бы не видеть тебя.

Последняя мысль отрезвляет, когда понимаю, что Аньку уже во всё это вмешивать начинаю. Осталось только про Кроша сказать Сергею, чтобы отомстить и на рожу его перекосенную посмотреть. Будет вообще шикарно, вот только после этого я себя в зеркале видеть не смогу, противно будет.

Через силу собираюсь на работу, долго перебирая вещи в шкафу. Законы клубной жизни гласили: какой бы апокалипсис ни творился у тебя на душе, никто не должен об этом знать. Люди идут в клуб за праздником, за сказкой, за иллюзией, и твоя цель дать им это... Ну и еще проследить, чтобы никто ненароком не убился, но это уже просто присказка. У нас был строгий дресс-код. Красиво. Стильно. Модно. При этом всё ещё и хотелось какой-то официальности, не переходящей в занудство. Вот и приходилось измываться над собой и своим гардеробом. На сегодняшний вечер я выбрала короткое чёрное платье и джинсовку, сделав себе высокий зачёс на голове, огромные кольца в уши и приличный слой косметики на лицо, чтобы хоть как-то скрыть всё то, что тлело внутри меня. Чувствовала себя молодящейся старлеткой, но что поделаешь, тусовка хотела молодости и свежести, а не тридцатилетней брошенки с двумя детьми. Но никому нет дела до моих проблем, поэтому надо схватить себя за горло и просто задушить весь этот эмоциональный сумбур, на корню

обрывая все эти душевные трепыхания.

Удивительно, но стало легче. Мне вообще наличие задачи обычно жить помогало. Одно дело сидеть и страдать, а другое – вгрызаться в проблему и что-то делать. Я, может быть, поэтому и стала трудоголиком, чтобы просто не подохнуть от всей этой тоски.

Анютка пришла домой раньше обычного, столкнувшись со мной в прихожей. Я как раз обувалась, когда в замке зашевелились ключи. Я бегло глянула на часы: рано.

Дверь открылась, явив миру растерянного ребёнка, явно не ожидавшего встречи со мной. Немая сцена, где мы обе моргаем, бегло соображая, что пошло не так.

– Нас раньше отпустили, – быстро выпаливает дочь, отводя глаза в сторону.

– Угу, – на автомате киваю я головой. А сама напрягаюсь. Какие мы беспалевные, однако.

Анька мнётся на пороге, переступая с ноги на ногу.

– Прогуливаешь? – на удивление спокойно спрашиваю я, смущаясь абсурдности своего предположения. Чего точно никогда не делала моя дочь: 1) не обманывала, 2) не прогуливала школу.

Предательский румянец на щеках выдаёт её с головой. Приплыли.

– Ань?

– Ты ругаться будешь, – мямлит она себе под нос.

– Знаешь, у меня такое ощущение, что я при любом вари-

анте сегодня ругаться буду.

Тяжёлый вздох. Упорно рассматривает носки своих сапог. И когда я так остервениться успела, что она стала меня бояться? Нормально же всегда со всеми косяками справлялись. С её, с моими, с общими. Если не считать вопросов, связанных с Измайловым. Тут я просто холодела и замыкалась.

– Папа? – догадываюсь я.

– Папа, – обречённо кивает головой.

– Вот если ты скажешь, что он велел тебе уроки прогулять, в жизни не поверю, – надеюсь я на благоразумность бывшего мужа.

– Он встретиться предложил...вечером.

– Вечером? И что же тебе не дало дождаться вечера?

– Крош.

– Крош?! – напрягаюсь я, предполагая самые невероятные сюжеты развития событий.

– Ну да. Мы же с ним вечером вдвоём сидим, бабушка только ужином обещала нас прийти накормить.

– И?

– Иии... я сказала папе, что раньше сегодня учёбу оканчиваю, чтобы днём увидеться.

– Вы же вчера виделись, – замечаю излишне резко, отчего Аня нервно вздёргивает головой, будто бросая мне вызов.

– Я ещё хочу.

Что сказать на это, я не знаю, поэтому просто молчу. Впрочем, дочь справляется за нас двоих.

– Он же вернулся! Теперь ждать не надо! Я соскучилась... и нам хорошо вместе!

Из меня словно дух сейчас вышибли. По крайней мере, по ощущениям очень похоже. Во все глаза смотрю на Аньку, пытаюсь хоть как-то осмыслить услышанное. Она тоже смотрит, сначала с вызовом и достаточно сердито, а потом сама же пугается своих слов.

– Мам, я не это... – начинает она виновато, но я резко обрубаю.

– Телефон.

– Что?

– Телефон отца мне дай.

Она боится, то ли самой просьбы, то ли моего тона – жёсткого и сухого.

– Мам, – пищит она.

– Телефон.

Через десять минут я выхожу из дома, заведённая и накрученная. Оставив наказанного ребёнка с чётким перечнем ценных указаний, состоящих из трёх основных пунктов: сделать уроки, забрать брата из садика и больше никуда не высовывать свой курносый нос. А ещё у меня есть номер Измайлова и еле сдерживаемое желание придушить его.

Первый раз в жизни работа не приносила успокоения. Улыбалась посетителям, решала какие-то вопросы, гоняла официантов, а внутри меня всё горело. Смятение. Паника.

Он только приехал в город, а я уже ругаюсь с дочерью так, как никогда до этого.

Остатки логики подсказывали, что так нельзя. Нельзя злиться на Аню, нельзя пытаться ограничивать их общение... Но стойкое ощущение того, что ситуация выходит из-под моего контроля пугало, заставляя действовать импульсивно и необдуманно.

На половину десятого у меня был назначен традиционный созвон с домом. Скрывшись в подсобке, набирала Анин сотовый и с волнением ожидала её ответа. Она долго не отвечала, заставляя меня нервничать. В итоге, с третьего раза, трубку взяли, но на том конце телефона был Крош, который, тараторя и сбиваясь, отрапортовал о домашних делах. Всё было спокойно.

– А потом бабушка ушла, – повествовал сын. – Но мы тебе немного пирога оставили.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я его. А потом сделала глубокий вдох и задала вопрос, ответ на который меня очень волновал. – А Аня дома?

– Конечно, – удивился он. Ну да, она бы вряд ли бросила брата одного. Хотя после сегодняшнего я бы уже ничему не удивилась. И от подобных мыслей мне даже немного стыдно.

– Можешь её позвать?

– Ааааааняяя, – вопит Крошик прямо в трубку, заставляя меня поморщиться.

Потом слышится какая-то возня, голоса, опять вопль сы-

на, а потом тишина. Неприятная такая, давящая.

– Она сказала, что занята, – раздосадовано поясняет дочь. Я же с силой прикусываю нижнюю губу, чтобы случайно не выругаться.

Сын ещё какое-то время рассказывает мне обо всём на свете, а я стою в полутёмном помещении, откинув голову к стене и сдерживая рвущиеся наружу слёзы. Глупо, Оля, очень глупо.

– Мам, ты утром придёшь? – с надеждой в голосе спрашивает мелкий, и я в очередной раз думаю о том, что пора завязывать с работами по ночам.

– Нет, солнце моё, раньше. Сегодня у меня не полная ночь. Но в любом случае тебе пора спать, – на часах было почти десять и мой перерыв подходил к концу. – Скажи Ане, что пора укладывать тебя. И... и что я очень вас люблю.

– Я скучаю, – невпопад замечает он.

– Знаю, я тоже. А теперь спать. Спокойной ночи.

– Приходи быстрее, – просит он и отключается.

На душе тоскливо, тыльной стороной ладони вытираю непрошенные слёзы. Надо же, так давно не ревела, а тут... Надо идти в зал, народу хоть и немного сегодня, но работа есть работа. Всё равно продолжаю стоять на месте и сжимать в руке телефон, борясь с навязчивой идеей о том, что у меня есть номер Измайлова и мне всё-таки надо ему позвонить.

Решение даётся сложно. У меня слишком много «но» и «почему нет». И одно из главных – это то, что я уже сегодня

сама отказалась с ним разговаривать. Поэтому решение звонить буквально даётся мне боем. Задавив остатки гордости, я непослушными пальцами нажимаю на вызов, молясь лишь об одном – чтобы в этом во всём был хоть какой-то толк. А где-то глубоко внутри меня теплится надежда на то, что Аня в будущем оценит, на какие жертвы я готова пойти ради неё. Правда, на смену надежде тут же приходит чувство вины перед Крошем. В общем, это всё сложно, и если дать мне волю, то я просто распадусь на куски, терзаемая всеми этими переживаниями. Но мне нельзя, мне нельзя распадаться или идти на поводу у своих эмоций, на сегодня лимит ошибок был исчерпан.

После пары длительных гудков в трубке раздаётся знакомое «Да» с лёгкими нотками недовольства. На часах десять вечера и, наверное, я не вовремя, или же он там не один, а с.... Чёрт, Оля, о чём ты вообще думаешь?! Трясу головой в надежде выкинуть всё ненужное оттуда.

– Слушаю, – уже более раздражённо сообщает Сергей, а я замираю, переставая дёргать головой. – Вы меня слышите?

Он уже начинает злиться, а я стою и слушаю такой знакомый голос. Просто-напросто забывая дышать.

– Отключаюсь! – выносит он свой вердикт и уже, видимо, убирает трубку от лица, потому что из моего динамика слышится движение воздуха, но я всё-таки успеваю выкрикнуть на удачу.

– Стой.

Сначала кажется, что он не услышал и отключился, но экран всё ещё продолжает отсчитывать время, хоть в трубке и тишина.

– Привет, – практически одними губами шепчу я, ни на что особо не надеясь. Но Измайлов всё слышит.

– Оля? – так же тихо уточняет он. А потом уже громче переспрашивает. – Оля, это ты?

– Да.

Молчим. Я нервно дёргаю пуговицы на джинсовке, а он сопит, то ли разозлённый, то ли растерянный.

– Всё в порядке? – Сергей первый справляется со своей оторопью.

Больше всего на свете хочется заорать, что ничего не в порядке, что всё плохо, и что он своим приездом просто рушит всё к чертям собачьим. Но нет, нельзя.

– Да, наверное, – осторожно пробую отвечать, боясь, что голос дрогнет, ну или меня опять поведёт куда-то не туда. – Ты поговорить хотел. Насчёт Ани. Наверное, нам стоит попробовать.

– Что-то случилось, – даже не спрашивает, а сразу утверждает он. И эта его пронизательность на самом деле бесит.

– Да, блин, случилось! – рычу я, а потом сама же себя одёргиваю. Молчи. Просто молчи. Вдох. – Она сегодня ради встречи с тобой с уроков ушла.

Длинная пауза. И его краткое:

– Ясно.

– И что тебе ясно?! – начинаю заводиться я.

– Что ты не в настроении.

Во рту что-то щёлкнуло – это я с силой сжала челюсти, не в силах совладать с собой. Нет, ну спокойно же поговорить хотела!

– Да пошёл ты! – выпаливаю, уже собираясь скидывать звонок, пока ещё что-нибудь не натворила или не ляпнула, но он успевает меня нагнать.

– Ладно, я понял. Уроки. Прогуляла. Я с ней поговорю. Только не заводись.

А я не завожусь, я в принципе на пределе. При этом ощущаю себя как последняя истеричка.

Опять молчим. Я судорожно перебираю в голове воспоминания, пытаюсь понять, а как я вообще раньше умудрялась с ним жить и что мы делали в моменты ссор. Как вообще потом умудрялись мириться. Нет, ну вот мириться было определённо приятно.... Оля, не о том сейчас!

– Хочешь, я сейчас приеду, и мы поговорим? – вдруг вполне миролюбиво предлагает он.

– Нет, – поспешно выпаливаю я.

Он усмехается, правда, как-то зло.

– Ну нет, так нет.

– Я не об этом, – поясняю через силу. – На работе сейчас.

– Ночь же, – удивляется Сергей.

– Работа такая, – слабо пожимаю я плечами.

– А дет... – начинает он, а потом резко меняет фразу на

ходу, – ...дома кто?

– Аня с..., – тут уже я запинаюсь, но всё же продолжаю, – с Крошем.

– Одни?! – либо удивляется, либо возмущается он. Из-за чего мне становится стыдно, что как самая последняя кукушка бросила детей на произвол судьбы. Ощетиниваюсь.

– Давай не об этом!

Думала, разозлится, но нет, промолчал. В трубке его сопение, а у меня – нервное кусание губ. Не знаю, сколько времени мы проводим вот так... в этой давящей тишине, пока Сергей опять не нарушает её.

– До сколько ты работаешь?

– Не важно.

– Оля! – властно одёргивает он меня.

– Часов до трёх, – кратко и сухо.

– Я приеду, адрес говори, – всё также властно ставит он меня перед фактом. И по какой-то неведомой причине я подчиняюсь.

Глава 9.

Оля вешает трубку, а я ухмыляюсь. Правда, получается совсем не весело. Я знал, что рано или поздно это случится. Знал... и ждал. С того самого момента, как сегодня днём позвонила зарёванная дочь. Они поругались. Аня что-то сбивчиво твердила про уроки, дом, мать и запреты. Пришлось долго разбираться в её путанной речи, хотя на деле оказалось всё просто. Она прогуляла уроки, чтобы встретиться со мной, на чём была поймана Ольгой, после чего обе вспылили и поругались. Сегодняшняя встреча отменялась.

Первая реакция была не самая осознанная. Хотелось велеть Аньке собирать вещи и ждать, пока я заберу её из дома, в конце концов, не заперли же её там? А ещё думалось о том, что не мешало бы поехать к Ольге и высказать всё, что я о ней думаю. У неё не было ровно никакого права лезть в мои отношения с дочкой. Предлагал же с утра поговорить. Но нет, мы же, блять, гордые и упрямые, будем святую невинность до конца строить.

Я уже почти позвал дочь жить к себе, когда что-то меня застопорило. Наверное, если бы Аня злилась на мать, я бы так и сделал, но она неожиданно переживала из-за того, что обидела Олю.

– Пап, а что делать, если мама меня не простит? – всхлипывала Аня в трубку, из-за чего мне пришлось запикивать

своё раздражение обратно вглубь себя.

– Простит, – уверенно заявляю я, сам до конца не веря тому, что собираюсь сказать. – И даже если она сердится, то вы обязательно с ней помиритесь. Это же твоя мама, а как может быть иначе?

Может. Я знал по себе, Оля ничего не забывала... И если судить по сегодняшнему утру, прощать у неё не сильно получалось. Впрочем, у меня тоже имелось, что ей предъявить. Но как бы мне сейчас этого не хотелось, было не сложно понять, что в первую очередь это всё ударит по Ане. Вот и приходилось терпеть и давить всю злость и раздражение в себе, а там и без того всего было предостаточно, так, что мне иногда самому казалось, что я просто захлебнусь.

В общем, Аньку успокоил, пообещав, что я придумаю способ поговорить с мамой. Но Оля сыграла на опережение, позвонив мне сама. Поздно вечером. На экране высветился незнакомый номер, а мне показалось, что я прекрасно знаю, что это она. Дурацкое чувство. Презираю себя за это, что спустя столько лет всё ещё чего-то жду. Или не жду, но... иногда хочется.

Долго просто молчали в трубку, потом ругались. Не так, как утром, но почему-то тоже было неприятно. Может быть, потому что хотелось уже отпустить всё это нахрен, а надо было держать себя в рамках дозволенного.

Она работает по ночам. И почему-то это цепляет. И злит. Опять злит. Мне иногда кажется, что я уже просто не спосо-

бен на другие эмоции. Какое счастье, что у меня есть Аня. Самое чистое и настоящее... Что было, есть и будет у меня.

– Работа такая, – неопределённо поясняет она, а меня так и подмывает поинтересоваться, что это за работа, и разве нельзя было найти что-то более адекватное, особенно с теми деньгами, что я платил ей.

– А дет... – практически вырывается у меня, – ...дома кто?

И сам проклиная себя. «Дети». Наша дочь и её... сын. Нет, об этом лучше не думать. Не могу. До сих пор. Оказывается, у всего этого просто не существует срока давности.

Дальше. Дальше сложнее, мы почти спорим, почти ругаемся, но в итоге где-то успеваем разойтись до столкновения.

– Я приеду, – единственное решение, которое кажется хоть сколько-нибудь адекватным. Можно, конечно, дождаться завтра или перетерпеть ещё пару дней, но меня словно жжёт. Мне надо сейчас. Правда, до конца не понимаю, о чём именно будем разговаривать, а ведь казалось, что ещё с утра у меня был какой-то план. А сейчас нет.

Вот и получается, что в три часа ночи я сижу в своей машине, нервно сжимая руль, и немигающим взглядом смотрю на огромную вывеску «Облака».

Хочется курить. Аж во рту пересохло. Пока ждал Ольгу, чуть трижды не сорвался до ближайшего магазина. Бросать и без того было нелегко в своё время, а тут такое искушение опять начать.

Она опаздывала на полчаса, телефон не отвечал. Я опять заводился. Такой соблазн развернуться и уехать... А с другой стороны, ещё больший соблазн остаться и увидеть её. Даже не знал, что я буду так хотеть этого. Мазохизм какой-то, честное слово.

Ещё десять минут и я не выдерживаю. Громко хлопнув дверью ничем не виноватой машины, двинулся в сторону клуба. Было на удивление тихо, по крайней мере, мои ожидания, связанные с ночным клубом, не оправдались. На ресепшеше обнаружили охранник и девочка-хостесс.

– Извините, но на сегодня мы уже закрыты, – сообщила девочка, растянув губы в вежливой улыбке.

– Измайлову где могу найти? – чуть ли не рычу я, из-за чего охранник напрягает плечи.

– Ольгу Владимировну?

– Её самую.

Они переглядываются.

– А вы кто? – осторожно уточняет она.

– Муж, – выпаливаю прежде, чем до меня доходит смысл сказанного.

Две пары удивлённых глаз упёрлись в меня, только разжигая моё недовольство. Было проще злиться на них, чем на себя и свою несусветную тупость.

– Один момент, – пискнула девочка и удалилась куда-то в недра клуба. Зато охранник выдвинулся вперёд, словно преграждая мне путь. Можно подумать, что я их шаражку штур-

мом брать собираюсь. Я смерил его презрительным взглядом и демонстративно уселся на небольшой диванчик у входа, закинув ногу на ногу и сложив руки на груди.

Хостес вернулась минуты через три.

– Сергей Юрьевич, – опять улыбнулась она, проходясь любопытным взглядом по мне. Видимо, прошедших трёх минут хватило на то, чтобы женское любопытство взяло вверх над профессионализмом. – Ольга Владимировна попросила вас немного подождать.

Я фыркнул. Сергей Юрьевич... Ольга Владимировна. А ведь когда-то всё было иначе.

В то время мы были молоды и очень наивны, и мне верилось, что наша любовь будет жить вечно. Это уже после Ольги я больше ни разу не позволял себе всей этой розовой херни.

Отчего-то тянет на воспоминания. Из глубин памяти рисуется образ зеленоглазой девочки. Хотя нет, я никогда не видел в ней девочку... Кажется, уже в четырнадцать понимал, что когда-нибудь, рано или поздно, она станет моей женщиной. Правда, слабо ещё представлял, что именно я вкладывал в слово женщина, но, тем не менее, чувствовал – моя. Год, я провоевал с ней целый год, не зная как иначе привлечь к себе её внимание. А она каждый раз презрительно морщила свой нос и отвечала в своём извращённо-девчачьем стиле, лишь только подстёгивая моё рвение. Если бы она хоть раз дала слабину, показав, что мои действия задева-

ют её, я бы прекратил в тот же момент. Но она не показывала, заставляя меня чувствовать себя ущербным и ненужным. Впрочем, с годами мало что изменилось, раз спустя столько лет после нашего знакомства я посреди ночи прусь за ней на другой конец города, чтобы... чтобы просто сидеть и ждать, пока она снизойдёт до меня.

Я уже крайне близок к тому, чтобы подскочить и уйти, но косые взгляды охранника и хостес, наполненные ничем не прикрытым интересом, заставляют оставаться на месте.

Оля появляется как-то неожиданно. Вот только я сидел и гневался, а потом бац, и в следующий момент Оля уже в паре метров от меня в компании пьяной девицы, еле стоящей на ногах, но при этом истошно что-то орущей, и её кавалера, не более трезвого, но зато хоть молчаливого.

На один краткий миг наши взгляды пересекаются, и Ольга одними губами шепчет что-то очень похожее на: «Извини, я сейчас».

Пока Оля разбирается с маловменяемой парочкой, обвиняющей клуб то ли в воровстве, то ли в мошенничестве, а может быть, ещё в каком смертном грехе, я жадно разглядываю свою прежнюю любовь. С утра она была одета в достаточно привычную для меня одежду – джинсы, куртка. И если в тот момент я подумал, что она изменилась, то нифига. Только сейчас понял, что значит изменилась. Короткое чёрное платье до середины бедра бессовестно оголяло её длинные ноги, обутые в туфли на огромном каблуке. Оля каза-

лась выше и почему-то ещё более воинственной, чем утром. Хотя в данный момент её лицо отражало сущее спокойствие и доброжелательность. Она смотрела на туповатую парочку и... радушно им улыбалась. А это бесило уже меня, иррациональная ревность на почве того, что меня она ненавидит, а вот каким-то левым типам радуется.

Я скользил глазами по её спокойному лицу, отмечая яркий макияж, огромные серьги, незнакомую причёску. Она была чужой. Красивой. Холодной. И совершенно неизвестной мне. И вот это больше всего било по моим нервам. Хотелось перекинуть её через плечо и утащить куда-нибудь в туалет, чтобы смыть всю эту хрень. И найти там что-нибудь старое, знакомое и... родное.

Девушка немного успокоилась, понизив амплитуду своих воплей, Оля вновь улыбнулась, после чего обратилась к хостес:

– Лен, подготовь нам купоны и приглашительные.

И пока девочка с усердием заметалась за своей стойкой, Оля опять обратилась к парочке.

– Мы ещё раз приносим вам свои извинения за неудобство. В качестве наших извинений прошу принять купоны на бесплатные напитки. А если вы сообщите Кириллу свой адрес, то он сейчас же закажет вам такси и проводит.

Девушка что-то пьяно бурчит, но уже вполне благосклонно, видимо, довольная действиями Ольги.

Минут через десять охранник Кирилл предельно вежли-

во уводит парочку за собой из клуба, не забывая контролировать процесс одевания и незабывания личных вещей. Хостес куда-то деваается, а Оля, за считанные секунды становясь уставшей и замученной, падает на диван рядом со мной.

Поначалу она даже не шевелится, просто сидит рядом, откинув голову назад и прикрыв глаза. А я невольно задерживаю дыхание, боясь даже пошевелиться, чтобы не спугнуть.

– Проблемы? – спустя минуту, не выдерживаю я.

Оля медленно поворачивает голову и пару раз моргает, словно пытаясь сфокусироваться на мне.

– Ты про этих? – небрежным взмахом руки она указывает на дверь. – Да нет, ничего необычного. Среднестатистическое быдло, вдруг обзаведшееся деньгами и захотевшее красивой жизни. Вот только деньги совсем не гарант того, что с головой у тебя всё в порядке.

Она говорит рассудительно, жёстко и цинично. Получается совсем по-взрослому, что вновь идёт в разрез с моими воспоминаниями.

– И часто у вас такое?

– День через день, – пожимает она плечами. – В принципе, они безобидны. Напьются и орут, качая права. Могут немного посуду побить или попытаться ввязаться в драку, но это тоже считай так себе неприятности. Веселее когда золотая молодёжь гуляет, вот у них выходки повеселее будут. А те, что попроще... им как. Внимания подавай и уверенности в своей правоте. Мне не сложно, только сил много забирает.

Этакий энергетический вампиризм.

– Тогда почему ты здесь работаешь?

Она закусывает губу и как-то поспешно отводит глаза в сторону наручных часов.

– Извини, – вдруг вапаливает Ольга. – Я тебя на час уже задерживаю. Мы из-за этой парочки из графика немного вылетели.

В этот момент в дверях появляется Кирилл, на которого Ольга кидает вопросительный взгляд.

– Проводил. Сели, уехали, всё в порядке, – рапортует охранник. После чего следует небольшая заминка. – Ааааэ-эээ.... Двери?

Он, видимо, ждёт от Оли какого-то решения, поэтому она поясняет мне:

– Нам надо входы закрывать, раз последний на сегодня посетитель ушёл, – короткая пауза. – Мне надо здесь со всем закончить...

Дальше она запинается и молчит. Не знает, попросить меня подождать или сказать, чтобы ехал домой. Ухмыляюсь.

– Я в машине подожду.

Думал ещё добавить объяснение, что и так давно её жду и мне тупо жалко потраченного времени. Но собственные мысли звучат глупо, потому что мы оба знаем: я бы её сегодня при любом раскладе дождался.

Высокий и плечистый Кирилл закрывает за мной двери, и

я, не оборачиваясь, иду к своему автомобилю, одиноко стоящему на парковке. Внутри меня всё перемешано. Первая мысль – курить. Вторая мысль – опять курить. Третья мысль – что я просто не знаю, как с этим справиться.

Оля была другая, пугающе другая. Незнакомая. Даже когда она сказала, что её ребёнок не от меня, я был уверен, что знаю её, знаю и в чём-то понимаю. Хотя и придушить её тогда знатно хотелось. Смотрел на неё, и всё никак не мог понять, где же... где же там, в этих зелёных глазах, спряталась моя Гордеева Оля. Чёрт!

Память опять играет со мной злую шутку, подменяя одно другим. Пора бы уже запомнить, что нет никакой той Оли, а тем более моей. А может быть, и не было никогда. Пора прекратить гнаться за вчерашним днём и решать дела насущные.

Открытие последнего часа – мы можем разговаривать. Не то чтобы прям радушно и открыто. Но мы просидели на одном диване целых десять минут и не попытались друг друга убить.

Оля появилась достаточно быстро, стояла на крыльце клуба и неуверенно поглядывала в сторону моей машины. Туфли она сменила на сапоги, надела длинную куртку по колено, в руках сумка. Я ждал, что она подойдёт, но она стояла на месте, перебирая ногами. Пришлось выйти.

На улице было морозно. Ветер неприятно бьёт в лицо, но

я будто не замечаю этого. Стою, облокотившись на капот. Она ещё немного стоит на крыльце, освещённом яркими огнями здания, цветные пятна гуляют по её лицу, а порывы воздуха треплют волосы, которые она распустила. На меня не смотрит, упорно рассматривая что-то у себя под ногами. Думал окликнуть или двинуться на встречу, но в голову пришло чёткое осознание, что она просто готовится, собирается с духом. Я тоже тяжело вздохнул, понимая, что дыхание сбилось. Какая глупость.

А потом Ольга поднимает свой взгляд от земли, смотря прямо на меня, секунда – и она идёт ко мне. И мне на мгновение даже кажется, что не было этих несчастных шести лет, вообще ничего не было – ссор, обид, предательства. Но потом очарование момента рушится, наваливаясь на меня жестокой реальностью. Мы – никто... И с этим в очередной раз предстоит научиться жить.

– Ты хотела поговорить, – перехожу я сразу к делу, стоит только Ольге дойти до меня. Звучит излишне резко.

– Помнится, ты тоже, – не остаётся она в долгу, в момент принимая боевую стойку. Внешне это, конечно, никак не проявляется, но я чувствую, как внутренне она вся напряглась, готовая к любому нападению с моей стороны. Если бы я собирался...

Очередной порыв ветра бьёт в нас, и её лицо теряется в копне рыжеватых локонов.

– Пошли в машину.

– Зачем? – откидывая волосы рукой, сопротивляется она.

– Ветер. Холод. Да и вообще... в ногах правды нет, – скажешь я, пытаюсь взять ситуацию в свои руки.

– Её нигде нет, – всё ещё придерживая волосы рукой, замечает Оля.

– Пошли в машину, – почти приказываю я. Но она стоит, с недоверием поглядывая на меня. Приходится бросать вызов. – Или боишься?

Фыркает.

– Тебя, что ли?

– А если и меня? – пожимаю плечами, сдерживаясь, чтобы не среагировать на её ехидный тон.

Оля недовольно сводит брови, после чего обходит меня стороной, уверенно открывает дверь со стороны пассажирского сидения. Ну хоть так.

Сидим. Молчим. Воздух в салоне сгущается.

– Нам придётся общаться, – говорит она, словно вынося приговор нам обоим. По крайней мере, из её уст это звучит как что-то обречённое.

– Это настолько ужасно? – исключительно из упрямства скидываюсь я, понимая, что на самом деле она озвучила очевидное. И по смыслу, и по содержанию.

– Сам как думаешь? – отбивается она. А потом сама же смеётся, нервно и напряжённо, качает головой. – Нет, так не пойдёт. Мы так только невроз разовьём... и у себя, и у Аньки.

– А чья это вина? – не удержался я от колкости.

– Чья? – с вызовом смотрит на меня она, приподнимая бровь.

Вот и поговорили. Опять молчим. Оля отворачивается, с выраженным интересом разглядывая свои ногти.

– Нам нужен план, – в этот раз «Капитан очевидность» – это я.

– Нужен, – неожиданно легко соглашается она.

Весь наш план состоит из двух пунктов. Во-первых, я обещаю предупреждать Олю о том, что собираюсь встретиться с дочерью. Мы назвали это согласованием графиков. По ощущениям выглядит так, что мне приходится просить разрешения увидеться с собственным ребёнком. Но Оля обещает не наказывать её встречами со мной.

– Ты понимаешь, что я в этой ситуации врагом выгляжу для неё?! – дав волю эмоциям, с напором восклицает она.

– Значит, не стервозь, – попытался пошутить я, за что тут же получил злой взгляд зелёных глаз. – Шучу.

Думал пошлёт, но промолчала.

– Ладно, понял. Мы должны принимать какие-то схожие решения. Если спрашивать, то одно и то же.

– И не так, что с тебя пряники, а с меня кнут.

– Ну, это как получится, – мне отчего-то весело. Очень странно весело. Наверно, нервное.

Когда разговор окончен, Оля хватается за ручку, но я успеваю заблокировать дверь.

– Куда?

– Домой?

– Ты время видела? Уже рассвет скоро.

– Такси вызову.

Так и хочется на неё выругаться, а ещё лучше выматериться, хорошенько так, с чувством, толком, расстановкой.

– Я довезу.

– Не стоит.

– Оля! – почти рычу я, а её имя будто оставляет странный привкус на языке. – Я не хочу, чтобы моя дочь осталась без матери только потому, что у той, видите ли, гордость!

– У меня, видите ли, непереносимость.

Одариваем друг друга убийственными взглядами. Ольга очень похожа на кошку, которой дай только волю, она попытается выцарапать мне глаза. А ещё лучше – придушит меня, хотя нет... это уже далеко не кошачье.

Завожу мотор и жму педаль газа. Она не спорит, лишь недовольно отворачивается к окну.

Десять минут гнетущей тишины, и я не выдерживаю.

– Почему ты работаешь по ночам?

– А почему люди вообще работают? – смотрит на меня как на идиота.

– Я не об этом. Почему именно клуб?

Мнётся, теребя пальцами ручку сумки.

– Потому что платят нормально. И днём можно детьми заниматься, – сказала и уставилась на меня, остро так, будто

предупреждая, чтобы лишнего не сказал.

– Неужели вам настолько денег не хватало?! – завожусь я с пол-оборота.

Не отвечает.

– Оля, блин, я тебе нормальные деньги каждый месяц шлю. Может быть не сразу, но в последние годы должно было хватить и на Аню, и на... на всех. И раз ты квартиру сменила, значит было на что.

– Она в ипотеке...

– А ничего, что с меня никто справок в банк не спрашивал? – хватаюсь за первое, что пришло в голову.

– Она на брата оформлена, а выплачиваю я, – говорит вроде бы без эмоций, но нос слегка задирает.

Перевариваю информацию. Что-то всё равно не складывается в её словах. А догадки мне не нравятся. Ну не настолько же она дура?! Мы уже почти доехали до их дома, когда я всё же спрашиваю.

– Только не говори, что из-за своей херовой гордости не трогаешь те деньги, что я перевозжу.

Нервно дёргает головой и опять отворачивается. А меня чуть не заносит в первый попавшийся столб.

– Идииниоткааа, – почти стону я.

– Да пошёл ты! – шипит она.

Паркуюсь у обочины, чтобы хоть немного остыть.

– Ты, блять, сейчас серьёзно?! Тебе легче бросать детей одних дома?! Чем хоть немного прижать свои принципы?!

Ты вообще чем думаешь?!

– Не твоё дело!

– Моё! Или как опека отреагирует, когда узнает, что у тебя двое малолетних детей одни в квартире сидят?!

– У нас! – почти кричит она. – У нас. Мы всё ещё женаты, не забывай. Так что ударит по мне, ударит и по тебе.

Нет, ну точно дура. А ещё сука, редкостная. На эмоциях начинаю по карманам искать сигареты, не нахожу. Ах да, я же бросил. От досады пару раз бью по рулю. Она произвольно жмётся к двери от меня, боится, что ли.

– Оля, это же... – как продолжить не знаю. От этого всё звучит жалостливо.

Теперь отворачиваюсь я. Чтобы не видеть, чтобы не прибить.

– Не бросала я их, – очень тихо поясняет женщина рядом со мной. – С ними мама моя всегда ночевала. А.... месяц назад Лена – это жена Ильи. А Илья – это...

– Я помню кто такой Илья!

Её средний брат. Неужели она реально допускает, что я мог забыть?!

– В общем, у них двойня родилась, а Илюха вахтами работает. Сейчас как раз в отъезде. А мелкие... они беспокойные. В общем, мама теперь по ночам Лене с малявками помогает.

Дурацкие оправдания. И чтобы опять не психануть, опять жму на газ. И почему Аня мне ничего не сказала? Про мать, про то, что ночуют одни. Или говорила, а я просто не слы-

шал? У меня вообще мозг отключался, стоило кому-то при мне про Олю заговорить.

Последний раз я нарушил тишину уже только после того, как припарковался у подъезда.

– А отец... мальчишки, он вам разве не помогает?

Она смотрит на меня очень странно, каким-то диким взглядом, от которого внутри меня всё обмирает. Очень страшный взгляд, вот только я всё его понять не могу.

– Нет, – еле слышно.

Всегда думал, что услышав такое, испытаю хоть какое-то подобие удовлетворения, как сатисфакция... Как некое доказательство, что я хоть чем-то лучше того, другого. Но нет. Никак, лишь злость. На неё, на себя... на него.

– Мудак, – вырывается у меня.

– Ещё какой, – чумно замечает Оля, прежде чем выскользнуть из салона автомобиля.

Глава 10.

В это утро я так и не смогла уснуть. Впрочем, в этом и не было особого смысла. Серёжа привёз меня домой почти в шесть. Выходила из его машины, а у самой ноги дрожали. От его близости, он всех этих разговоров, от его вопросов... про Кроша.

Зашла в квартиру и съехала вниз по входной двери, утыкаясь носом в собственные колени. Слезы отчего-то не шли, хотя хотелось. Но чтобы обязательно громко и навзрыд. А про себя и украдкой – смысла не было. В квартире тихо, лишь еле уловимое сопение доносилось со стороны комнаты мелкого. Охватило неприятное предчувствие, подорвалась, на ходу скидывая сапоги, и полетела к Ане. Дочь спала, сжавшись в неразборчивый ком из ног-рук-одеяла. Губы дёрнулись сами собой, то ли в умилении, то ли в извинении.

– Прости, котёнок, мама опять загоняется, – шепчу я в пустоту.

Тихо прикрыв за собой дверь, подбираю сапоги и снимаю куртку. Проверяю Кроша. Затем душ, домашняя одежда, кровать. Будильник должен прозвенеть через полчаса. Можно, конечно, завалиться спать и оставить сына дома, а Аня сама в школу ходит... Но нельзя. Раз ввязалась во всю эту кабалу, то тяни до конца.

Идиотка.

Мудак.

У моих.... У наших детей замечательная наследственность. Кажется, я знаю, на что Аня потратит все деньги, скопленные мной за эти годы. На психотерапевта. Главное, что б не киллера. Что-то мне подсказывает, что пуля полетит именно в мой лоб. Если я, конечно, доживу до того времени, потому что если Измайлов узнает про сына, то не сносить мне головы уже сейчас. Он же мне просто шею свернёт и... будет прав. Осознание последнего очень тяжело доходит до меня. С кучей отмазок и оправданий. Но сегодняшняя ночь принесла такое жуткое для меня открытие – он должен знать. Они оба должны знать. Как бы ни бесил меня Измайлов, как бы он ни прошёлся по мне и моей жизни, он был... хорошим отцом. И вроде как не самым плохим человеком. И это было жестоко. По отношению к Крошу. По отношению к Аньке, которой приходилось разрываться и молчать. По отношению к Сергею, который нихренашеньки не знал.

– А отец... мальчишки, он вам разве не помогает?

– Нет.

– Мудак.

Вот тут и надо было сказать что-нибудь из серии: «Боже мой, что за самокритика».

Не смогла. И не потому что струсила. Хотя и это тоже... Просто. Крош заслуживает другого. Он заслуживает, чтобы им гордились и ему радовались. А не так, как оружие возмездия и попытка уколоть побольнее. С Измайловым мож-

но было разговаривать. Зло, с подколками и претензиями... Но можно. Оказывается, он вырос, не сильно. Но вырос. По крайней мере, какие-то доводы разума я в нём слышала, если б ещё не бил по самому больному, да и не был бы собой... Вообще всё было бы просто зашибись.

Скажу. Не сейчас, не так. Если он тут, если будет выполнять наши договорённости, то нам придётся учиться общаться. Может быть тогда весь эмоциональный накал спадёт и станет легче?

Ну почему? Почему всё так?! Почему я – это я? А он – это он?! Почему нельзя всё сделать проще? Вопросы. Одни сплошные вопросы.

Оставалось минут пять до звонка, когда я не выдержала и поплелась в комнату к Анютке. Мириться.

Села на край дивана, осторожно тормоша дочь.

– Ань, – зову я, получается почти жалостливо.

Она вяло отбрыкивается, но глаз не открывает.

– Дочь, я разговаривать пришла. Давай мириться? – провожу пальцами по её лицу, чтобы откинуть спутавшиеся волосы со лба. Смешно морщит нос. Вернее было бы смешно, если бы голова не оказалась до неприятного горячей. Ладонь ко лбу. Чёрт.

– Ань! – уже громче и сильнее.

Она с трудом разлепляет глаза и хрипит.

– Мама?

Пытается сесть на кровати, но получается плохо.

– Лежи! У тебя температура. Сейчас градусник принесу.

И пока дочь барахтается в одеяле, лечу на кухню за аптечкой. Я не паниковатая. Просто когда дети болеют... В общем, к этому нельзя привыкнуть.

– Тридцать восемь и две, – констатирую я. – И где ты у меня умудрилась заболеть?

– Не знаю, само вышло, – пожимает она плечами. – У меня ещё горло болит, и кашель...

– Да поняла я, что набор у нас полный.

Напоила жаропонижающим и противовирусным. Вызвала врача, сказали ожидать.

Проснулся Крош и требовательно поинтересовался, а почему это его никто в садик не собирает. Думала оставить его дома, но потом решила, что он сестре нормально отлежаться не даст. В итоге галопом поскакали в садик. На обратном пути аптека, магазин, дом.

Аня спала. Звонок в школу. Сказала, что болеем. И очень убедительно подтвердила, что вчера с уроков она ушла именно поэтому.

В итоге пока ждала врача, уснула у Аньки под боком, совсем позабыв, что я со смены. Проспали мы до обеда, и то, разбудил нас педиатр, настойчиво звонивший в дверь. Сезонное ОРВИ. Анализы, таблетки, постельный режим. Мы с ребёнком послушно кивали головой. Потом я опять побежала до аптеки, заблаговременно поинтересовавшись, чего хочется дочери. Выпросила киви.

Накормила нас обедом. Опять поспали. И уже ближе к вечеру, за час до того, как надо было выходить за Крошем, мы с Аней валялись в моей постели. Температура спала, и ребёнок стал чуть бодрее. Потянуло на разговоры. Болтали о том, о сём, пока не дошли до главного.

– Мам, прости меня, – зажмурившись, выпалила Анютка. – Я зря вчера с уроков ушла.

– Зря, – согласилась я. – Но я тоже молодец, должна была понять насколько для тебя важно, что папа вернулся.

Она хочет что-то сказать, но я продолжаю.

– Мы с твоим папой вчера... или сегодня? Неважно. Поговорили и решили. Что одинаково любим тебя и так же одинаково должны воспитывать тебя. Так что, если что, будешь получать от обоих, – в качестве назидательности тыкаю ей пальцем под нос. От чего она довольно фыркает.

– И видеться можно?

– Можно. Только предупреждай.

Детско-родительский мир был восстановлен. И дочь достаточно быстро задремала опять. Укутала её своим одеялом и в садик за Крошем. Немного погуляли. Хотя сердце рвалось домой, но и мелкому в гуляниях было отказать сложно. Пока тот носился по площадке, позвонил Никита.

– Кофе?

– Не могу, дочь заболела.

– Плохо, – философски заключил он. – Серьёзно? Помощь нужна? Я могу приехать.

Он старался, искренне и с напором. А я... А я сидела на холодной лавочке и тупила.

– Спасибо, у нас всё есть.

– На больничный пойдёшь?

Усмехнулась наивности некоторых. Когда это у нас в клубе поощрялись больничные? Я в своё время чуть ли не до пневмонии добежала. Потому что если ты выпадаешь, значит, двое других пашут чуть ли не сутками. Впрочем, проблема была вполне решаемой. Сегодня я была после ночи. Завтра по графику в день, а послезавтра – ночь.

– Пока нет, – качаю головой. – Маму попрошу с ней посидеть.

Матушка не могла. А может быть, просто решила не упускать возможности поучить меня жизни.

– На больничный, – отрезала она. – Мы с Леной завтра сами по врачам.

Спорить не стала.

Затащила Кроша домой. Аня уже не спала, с аппетитом поедая купленные киви.

– Я тоже хочу! – вопит сын.

– Руки! – хором отвечаем мы с дочкой, после чего вместе улыбаемся, наблюдая за несчастным Крошем, обречённо плетущимся в ванную.

Вечер прошёл тихо-мирно. Все вместе смотрели последнего Человека-паука, пока эти двое не вырубились у меня на кровати. А мне вот не хотелось, я днём отоспалась. К тому

же, надо было что-нибудь придумать на завтра.

Время десять, кручу в руках телефон, пытаюсь принять решение. Я не простила. И ничего не забыла. Он тоже. Я видела это в его глазах, слышала в его голосе... да и просто знала. Мы можем воевать сколько угодно. Но... у меня есть две веские причины, крепко спящие сейчас в моей постели.

Пальцы не слушаются, отказываясь попадать по нужным символам. Тело против, мозг против... А я звоню. Когда это я вообще хоть кого-нибудь слушала? Даже саму себя.

– У тебя ужасная привычка звонить по ночам, – усмехается он.

– А у тебя придурочная манера начинать не с того.

На следующий день, пока Аня спала, я утащила Кроша в садик. Сегодня он упирался, и, наблюдая за болеющей сестрой, которой в силу её состояния перепали некоторые ништячки, решил, что тоже хочет. Если бы с ними матушка моя сидела, я бы, возможно, сдалась напору детского каприза и оставила его дома. Но не сегодня.

На улице шёл снег. И мы играли в игру, пытаюсь выдуть круги паром изо рта. Привет Гендальфу. Не получалось. И я надеялась, что Крош никогда не додумается, что пробовать надо табаком. Был тот редкий день, когда в сад мы пришли вовремя, даже несмотря на все утренние вывертки сына.

Потом дом. Немного прибралась. Ладно. Не немного. Сильно. За два часа сотворив чуть ли не чудо. Так увлеклась,

что пропустила тот момент, когда Аня появилась на кухне и с ехидным видом наблюдала за тем, как я готовлю первое, второе и компот.

– Не смотри так на меня, – прошу я. – Мне просто надоело быть непутёвой матерью.

– Ну-ну, – делает вид, что типа поверила. Ехидна, блин. Потом сборы на работу. Сегодня можно хоть без платьев и боевого макияжа, дневные смены – они более щадящие. Брючный костюм, тональник и слегка подведённые глаза.

Потом контрольное измерение температуры. Тридцать семь и две. И тщательный инструктаж. Что и когда выпить, и в случае чего звонить мне.

– Папа обещал приехать через час. Он с тобой несколько часов посидит. Накормит обедом и всё такое. Понятно?

– Да, мама! – десятый раз за пять минут повторяет она. Ну точно ехидна.

– Папа обещал посидеть с тобой часов до четырёх. Я как освобожусь, сразу домой, только Кроша из садика заберу. Понятно?

– Мама, иди уже!

Вот так меня и выставили из собственного дома.

На работе было суетно. Только весь движняк мало меня касался. Модельное агентство арендовало клуб для съёмок. Моё дело было за малым: следить за общим порядком, решать мелкие текущие проблемы и контролировать подготовку к ночи.

Это было и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо, потому что я и так туго соображала из-за мыслей о том, что Измайлов сидит сейчас в моём доме и, возможно, поедает моё первое, второе и компот. Или вообще, расхаживает по квартире, натываясь на вещи Кроша. Хотя нет, я хорошо убралась, и если не идти специально в комнату к сыну... Об этом лучше не думать. Плохо было всё по той же причине.

Нет, Измайлов меня убить не успеет. Я с ума раньше сойду.

Ближе к концу мероприятия позвонила Надя, её сын ходил в одну группу с Крошем, и мы вроде как приятельствовались.

– Оль, в садике отопление отключили. Детей срочно просят забрать.

– Чёрт, – выругалась я. – На работе сейчас.

– А дома кто есть?

– Аня, она сегодня болеет.

– Ну так давай я Кроша вместе с Антоном из садика заберу, – просто предложила Надя. – Вашего до дома довезу. Просидят без тебя пару часов вдвоём?

– Да, должны.

На том и решили.

Анька, задолбанная моими частыми звонками, отказалась брать трубку, кинув сообщение: «Всё хорошо. Я всё ещё ЖИВА».

Пришлось печатать: «Кроша привезут минут через два-

дцать, встречай».

Глянула на часы. Четыре часа давно были преодолены, значит, Сергей укатил на свою встречу. Вот и славно. Сталкивать их лбами совсем не хотелось. Особенно без моего контроля.

Машка пришла раньше обычного. Глянув на мой малоадекватный вид, отправила меня домой. Сказав, что вреда от меня сегодня больше, чем пользы.

Пока одевалась, получила смс от Нади: «Твой дома, всё хорошо».

Моё: «Спасибо, должна буду».

Домой летела на всех парах. Тревога по чуть-чуть отпускала. День прожит. Я вообще почти герой: сумела договориться с Серёжей, ублажить дочь и ничем не испортить жизнь Крошу. «Не женщина, а мать года», – шептал мой сарказм.

Дверь открывала своими ключами, уже готовясь к тому, что сейчас на меня налетит сын, повиснув на моей шее. Но вместо Кроша в прихожей обнаружили огромные мужские ботинки. Угадывать хозяина которых не имело смысла, хохот Ани и Сергея доносился из кухни. Первой реакцией было развернуться и исчезнуть. Правда, вовремя вспомнила, что дом-то мой. Да и дети тоже вроде как мои. По-тихому раздевшись, прошмыгнула мимо кухни, сразу в комнату к сыну.

– Привет ушастым зайцам, – с энтузиазмом начала я, но очень быстро оборвала себя.

Комната была пуста. Опять неприятная тревога. Моя комната, Анина, ванная. Ну вот, не на кухне же он с ними восседает? Другой вариант был хуже. Поэтому быстрый рывок в кухню.

Они сидели за столом вдвоём. Сергей и Аня. Что-то там рассматривали в планшете и весело это обсуждая. С моим появлением на кухне повисла напряжённая пауза.

– О, мама, – первая отмерла Аня. – Ты рано...

Я ещё зачем-то под стол заглянула, но сына там не было.

– Ань, где Крош? – очень медленно спросила я, уже чувствуя, как меня начинает накрывать волна паники.

Анька всё быстро понимает. Она вообще догадливая.

– В садике? – почти пищит она.

Отрицательно качаю головой.

– Я же написала, чтобы ты его встречала, – крайне бесцветным голосом замечаю я, судорожно ища в телефоне номер Нади.

– Я не получала, – совсем тихо шепчет дочь, а потом подпрыгивает и бежит в свою комнату. Где-то внутри меня ещё теплится надежда, что она там брата под диваном прячет. Ну розыгрыш это, пранк... троллинг, или как они там говорят?

Но нет, она возвращается с телефоном и без брата.

– Мы не видели, сотовый в комнате лежал...

Уже не слушаю. Надя отвечает быстро.

– Ну как, твои двое не разнесли квартиру?

Дальше было всё как в тумане. Кажется, я о чём-то спра-

шивала Надю, на автомате натягивая сапоги и куртку. Серёга поймал меня за руку.

– Успокойся, ничего ещё не случилось, – железным тоном велит он мне.

Я лишь киваю головой и выскакиваю в подъезд. Минут двадцать хаотично носилась по дворам, Серёжа с Аней побежали по соседям.

Нет. Не видели. Не было.

Во второй раз Серёга ловит меня уже на улице.

– Я полицию вызвал. Успокойся, сказали, что сейчас придут, – я лишь жалостливо всхлипнула, ненавидя себя за всю эту слабость, за эту ситуацию... за всё. Измайлов неожиданно прижал меня к себе, и мне на пару мгновений стало чуть легче от того, что он здесь. Это было очень тупо. Мысль о том, что с Крошем ничего не может случиться, ведь он ещё не успел познакомиться с отцом, иррационально хоть немного, но успокаивала.

А потом приехала полиция. Мы стояли на кухне, я даже не разувалась. Молодой капитан, угнетающий меня своим строгим видом, задавал какие-то вопросы. О том, что и как случилось, делал пометки в бумагах, через раз поглядывая с намёками на двух ппсников, стоящих рядом. Сергей сидел на подоконнике, прижимая к себе Аню.

– Имя? – наконец-то спросил меня капитан.

– Моё? – очень глупо уточнила я.

Он вздохнул, видимо, примиряясь с истеричной бабой.

– Кроша. Полное имя мальчика, нам для ориентировки надо. Ваш муж по телефону так и не сказал.

Короткий взгляд на Сергея, который кивает мне, видимо, пытаюсь ободрить.

Пофиг. Пофиг на всё. На него, на себя.... На весь мир, пусть только мне сына вернут.

– Измайлов. Сергей Сергеевич.

На краткий миг атмосфера в кухне становится до ужаса вязкой, и я задыхаюсь. Стараюсь не смотреть в сторону окна, где восседают эти двое. Мне кажется, что я кожей чувствую флюиды ненависти, исходящие оттуда. Пофиг.

Верните мне Кроша.

– Мама! – кричит Аня. И голос её словно звучит издалека, настолько сильно у меня шумит кровь в ушах. – Мам! Телефон!

Хватаю сразу же, даже не глянув на номер.

– Оль, ты никого не теряла? – весело спрашивает меня знакомый голос на том конце провода. Голос знакомый, вот только мозг у меня соображает тяжело.

– Крош, – то ли говорю, то ли всхлипываю я.

Чья-то сильная рука забирает сотовый. Сергей отталкивает меня в сторону, рыча в телефон своё бешеное: «Да!».

И мир вдруг опять полон звуков, потому что у меня наконец-то включается и слух, и мозг. И я слышу, как Киреев, ещё не понявший смену собеседника, продолжает свою речь:

– К нам в клуб тут ваша потеряшка явилась. Говорит, что

тебя ищет.

Глава 11.

В «Облака» я уехала вместе с ментами. Уходила из дома, еле сдерживая нервную дрожь и дыша через раз. Клуб находился недалеко, всего лишь 20-30 минут пешим шагом. Я специально искала новую квартиру поближе к работе. Это для меня близко, но как представляю, какое расстояние Крош преодолел в одного, то всякое желание дышать пропадало напрочь. Конечно же, он бывал у меня на работе, не один, не два и даже не три раза. Но кто мог вообще предположить, что однажды он отважится отправиться в путь?! Кажется, я теряла контроль над ситуацией, который подобно песку утекал сквозь пальцы.

Доехали мы быстро. В машине я ещё держалась, варясь в своих мрачных мыслях, до конца не веря в то, что сейчас увижу ребёнка. Это уже потом я разрыдалась, хаотично и бесконтрольно вжимая в себя хрупкое тело сына. Крош пугается, явно не понимая моей бурной реакции. Ему вообще, по ходу дела, здесь хорошо было: накормили, напоили, ещё и развлекали. По крайней мере, он чувствовал себя вполне вольготно в компании горячо им обожаемой Машки и Никиты.

– Ну мам, – пищит сын, пытаясь вырваться из моих сумасшедших объятий. А я и говорить не могу, только что-то там хриплю.

– Довёл мать до истерики? – фыркает Машка. – Она и так с головой у тебя не в ладах, а тут вообще...

Данное замечание всё-таки слегка отрезвляет.

– Не смей, – шепчу я ему на ухо. – Не смей, слышишь, меня больше так пугать.

Наверное, что-то такое есть в моём шёпоте, потому что он тут же начинает оправдываться.

– Я просто хотел сделать тебе сюрприз.

– Сделал?!

Когда я немного пришла в себя, Машка куда-то увела ребёнка, а я ещё минут двадцать общалась с представителями правопорядка, подписывая кучу бумаг и объяснений. Капитан тяжело вздохнул и посоветовал мне лучше следить за детьми. И пригрозил перспективой постановки на учёт в комиссию по делам несовершеннолетних. А что я могла на это всё сказать? Только послушно кивать головой и пытаться не поддаваться приступу уныния.

Никита нагнал нас уже на выходе, когда мы с Крошем собирались уходить. Я почти успокоилась, благо, что бармен на пару с Машей влили в меня рюмку коньяка. Не то чтобы сильно помогло, но биться в истерике больше не хотелось. Мы вышли на улицу втроём и отошли чуть в сторону, чтобы не мешать посетителям ходить туда-обратно – вечер только набирал обороты.

Я крепко сжимала пальцы сына, боясь хоть на мгновение разжать ладонь, а Крош с провинившимся видом стоял, опу-

стив нос, видимо, понимая, что натворил сегодня что-то из ряда вон выходящее.

– Ты в порядке? – с участием поинтересовался Киреев.

– Нет, – призналась честно. – Но буду. Только в себя приду немного.

– Не ругай его сильно, – улыбаясь, просит он, при этом заговорщицки подмигивая ребёнку. Крош, почувствовавший поддержку, даже позабыл, что Киреев ему так-то не сильно нравился до этого. И заулыбался в ответ, но наткнувшись на мой строгий взгляд, попытался опять сделаться серьёзным. – Он же ребёнок...

– Вот именно, что ребёнок! – начинаю заводиться я, но вовремя одёргиваю себя. Ещё не хватало вымещать своё расстройство на Кирееве.

– Оль, если тебе помощь нужна, ты только скажи.

– Спасибо, конечно, но думаю, что выпороть я его сама сумею, – неловко отшучиваюсь.

За что тут же получаю возмущённый взгляд Кроша, всем своим видом говорящий: «Мать, ну ты что, совсем ку-ку?! Ну какой выпороть».

Никита вежливо улыбается, видимо, не до конца понимая, насколько серьёзно я говорю. Между нами повисает неловкое молчание.

– Мы, наверное, пойдём, – прерываю я неприятную паузу.

– Оль, – говорит Никита, смотря куда-то мне за плечо – Я бы с удовольствием отвёз вас домой. Но, боюсь, вас уже

ждут.

Я резко оборачиваюсь. И точно. На клубной парковке стояла уже знакомая машина напару со своим хозяином. Уже темнело, но даже сквозь сумерки я видела, что ничего хорошего ждать от мрачного Измайлова мне не стоит.

Так же резко отвернулась от него, подобно Крошу потупив свой взгляд вниз. Зато любопытный ребёнок начал очень активно дёргаться на месте, пытаясь разглядеть, что привлекло внимание взрослых.

– Ты только скажи, – правильно понимает моё замешательство Никита.

– Нет, всё в порядке. Это муж... – запинка, – ...бывший.

Киреев качает головой в такт каким-то своим мыслям, а я затылком чувствую, что за спиной что-то меняется. Сергей исчерпал всё своё терпение на сегодня и мощной походкой движется на нас. Не вижу. Но догадываюсь.

– Никит, спасибо за всё, нам, кажется, пора.

И прежде, чем Измайлов дошёл до нас, я успеваю подхватить Кроша на руки. Тот, конечно, удивляется, в своё время мне понадобилось много времени, чтобы отучить его проситься на ручки. Тяжёлый же. Но тут уже всё равно.

– В машину иди, – почти рычит мне Сергей, от чего у меня мороз по коже. Если честно, хочется просто развернуться и бежать куда-нибудь до Китайской границы. Но что-то мне подсказывало, что далеко с сыном на руках я не убегу. Да и Аньку бросать не хотелось.

Киреев сначала вопросительно смотрит на меня, а потом с вызовом впивается своим взглядом в Сергея, которого я, слава богу, всё ещё не вижу, потому что тот стоит за моей спиной.

Пока мужчины визуально убивают и расчленяют друг друга, Крошу надоедает болтаться на мои руках.

– Мааам, я домой хочу.

Я поудобней перехватываю сына и зачем-то подхожу к Никите, целую его в щёку.

– Спасибо тебе от нас с Крошем.

И прежде чем офигевшие мужчины отомрут, я разворачиваюсь и иду в сторону парковки. Правда, у меня был план обогнуть измайловскую машину и деться куда-нибудь после этого.

Но всё ещё мой формальный муж на удивление быстро нагоняет нас.

– Даже не думай, – всё так же зло велит он, видимо, читая мои мысли на расстоянии.

Да где ж ты со своей телепатией раньше был?!

Домой ехали в убийственной тишине. Даже Крош при-
смирел, перестав вырываться из моих рук. Я же его так и не отпустила, усадив на свои колени. Мы с ним сидели на заднем сиденье, и я упорно прятала свою голову за спину сына, чтобы случайно не столкнуться с обжигающим взглядом Сергея в зеркале заднего вида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.